

KRAKOW MAY 29–JUNE 1
MEETINGS **KRAKOW**
KRAKOW **BENEDICTINE**
CONFERENCES **ABBEY**
ON RUSSIAN **IN TYNIEC**
PHILOSOPHY
2022

PHILOSOPHY IN NEOPATRISTICS

HISTORICAL AND SYSTEMATIC STUDIES

BOOK OF ABSTRACTS

**KRAKOW
MEETINGS**

**International Conference
Krakow Meetings 2022**

**May 29–June 1, 2022
Benedictine Abbey in Tyniec
Krakow, Poland**

June 6–8, 2022 (online)

PHILOSOPHY IN NEOPATRISTICS

HISTORICAL AND SYSTEMATIC
STUDIES

BOOK OF ABSTRACTS

ORGANIZERS

Pontifical University of John Paul II in Krakow
The Institute of Philosophy "Edith Stein" in Granada

HONORARY PATRONAGE

"Studies in East European Thought" (SEET)

ACADEMIC BOARD

Prof. Sr Teresa Obolevitch • Krakow
Prof. Randall Poole • College of St. Scholastica, USA
Dr Brandon Gallaher • University of Exeter, UK
Prof. Szalay Mátyás • Granada
Prof. Marina F. Bykova • North Carolina State University, USA

ADVISORY BOARD

Prof. Gennadii Aliaiev • Poltava
Prof. Marcelo López Cambronero • Granada
Dr. Paweł Rojek • Krakow
Prof. Daniela Steila • Turin
Prof. Konstantin Antonov
Prof. Rev. Pavel Khondzinskii

ORGANIZERS

Uniwersytet Papieski
Jana Pawła II
w Krakowie

HONORARY
PATRONAGE

STUDIES IN
EAST EUROPEAN
THOUGHT

PHILOSOPHY IN NEOPATRISTICS: Historical and Systematic Studies

The theological significance of the neopatristics movement is beyond discussion: it is essential for the twentieth-century Orthodox theology. During the conference, however, we are going to discuss and develop the philosophical aspects of this heritage. We believe that neopatristics synthesis has also philosophical significance which might be investigated both in historical and systematic perspectives.

We propose to discuss the following topics:

1. History of Neopatristics;
2. Recent Studies in Neopatristics;
3. Neopatristics and Russian Religious Philosophy;
4. Russian and Greek Neopatristics;
5. Orthodox Neopatristics and Catholic Neo-Thomism;
6. Neopatristic and Radical Orthodoxy;
7. Horujy's Synergetic Anthropology and Neopatristics;
8. Neopatristics and Analytical Metaphysics;
9. Neopatristics and Contemporary Philosophy of Religion;
10. Neopatristic and Contemporary Philosophical Anthropology;
11. Science and Religion in Neopatristics;
12. Neopatristics and the Philosophy of History.

KEYNOTE SPEECH

•

Pavel L. Gavriiliuk | University of St. Thomas, St. Paul, Minnesota, USA

INVITED LECTURES

•

Alexei Nesteruk | University of Portsmouth, UK

Dimitry Biriukov

PROGRAM

St. Paulus Hall

SUNDAY

May 29, 2022

18.00

Supper

MONDAY

May 30, 2022

Breakfast

9.00

OPENING OF THE CONFERENCE

Rev. Szymon Hiżycki OSB, The Abbot of Tyniec Monastery
Sr. Teresa Obolevitch, The Pontifical University of John Paul II in Krakow, Head
of the Organizing Committee

9.10

KEYNOTE SPEECH

Paul L. Gavrilyuk, University of St. Thomas, Minnesota, USA
Florovsky Against the Russian World: His Engagement with Eurasianism

9.55

Coffee break

Section 1 | chair: Paul L. Gavrilyuk

10.15

Rev. Alexei Nesteruk, University of Portsmouth, The United Kingdom
*A Neopatristic Synthesis of Experience of God in a Dialogue
with a Scientific Vision of the Sense of the Human Existence*

11.00

Dmitry Biriukov

Линии рецепция паламизма в русской религиозной философии

11.45

Vladimir Cvetkovic, University of Belgrade, Serbia

Georges Florovsky and St Justin Popovic: Brothers in Arms for the Neopatristic Synthesis

12.15

Discussion

13.00–13.45

Lunch

Section 2 | chair: Anna Reznichenko

13.45

Lilianna Kiejzik, University of Zielona Gora, Poland

Непрочитанный Флоровский. На основании его писем к брату Антонию

14.15

Marta Lechowska, Jagiellonian University, Poland

Богословие открытое для философии. Переписка Мирры Лот-Бородиной и Семёна Франка

14.45

Witali Michalczuk, Warsaw University, Poland

Николай Арсеньев: Неопатристика факультета православного богословия Варшавского университета

15.15

Discussion

15.45–16.05

Coffee break

Section 3 | chair: Daniel Kisliakov

16.05

Rev. Robert Slesinski, Eparchy of Passaic, USA
The Disclosing of Orthodoxy in the Church Fathers according to L.P. Karsavin

16.35

Rev. Łukasz Leonkiewicz, Orthodox Theological Seminary in Warsaw, Poland
Neopatristic Energyism as Orthodox Existentialism

17.05

Miglė Miliūnaitė, Vilnius University, Lithuania
*Proto-Existentialism and the Way of Thinking about Music
in Augustinian Writings*

17.35

Discussion

18.00

Supper

TUESDAY

May 31, 2022

Breakfast

Section 4 | chair: Alexei Nesteruk

8.30

Elżbieta Teresa Kotkowska, Adam Mickiewicz University of Poznan, Poland
*Pavel Florensky's Homoousian Vision of Reality in Relation
to the Historical-Salvific Perspective of the Universe according
to St. Gregory of Nyssa*

9.00

Paweł Rojek, Jagiellonian University, Krakow, Poland
*Neopatristics and Trinitarian Ontology. Pavel Florensky, Vladimir Lossky, and John
Zizioulas on the Individuation In the Holy Trinity*

9.30

Daniel Kisliakov, University of Divinity, Melbourne, Australia
Sergius Bulgakov and His Authentic "Neo-Patristic" Lens

10.00

Harry Moore, University of Oxford, The United Kingdom
Florovsky's "Logical Relativism": A Philosophical and Theological Critique

10.30–11.00

Coffee break

11.00

Excursion to the Abbey museum

12.15

Discussion

13.00–13.45

Lunch

Section 5 | chair: Marta Lechowska

13.45

Anna Reznichenko, Moscow, Russia

«...Мир опрозрачивается...» или еще раз о рождении неопатристики из духа софиологии

14.15

Liubov Petrova, St. Petersburg, Russia

Имяславие и паламизм в философии языка С.Н. Булгакова

14.45

Sr. Teresa Obolevitch, The Pontifical University of John Paul II in Krakow, Poland
Владимир Лосский и о. Василий Кривошеин: два видения возрождения патристики

15.15

Discussion

15.45–16.05

Coffee break

Section 6 | chair: Lilianna Kiejzik

16.05

Nikolay Kostin, The Pontifical University of John Paul II in Krakow, Poland
Любовь к врагам: осмысление патристической мысли св. Силуаном Афонским

16.35

Rev. Aleksander Posacki, Collegium Verum, Warsaw, Poland
Идея исихастической трансформации С. Хоружего, экзистенциальная аналитика М. Хайдеггера и контринициация Р. Генона

17.05

Roman Turowski, The Pontifical University of John Paul II in Krakow, Poland
Синергичная антропология и мысль о человеке в современном греческом православии: С.С. Хоружий, В. Зизиулас, Хр. Яннарас

17.35

Discussion

18.00

Supper

19.00

Concluding Remarks

WEDNESDAY

June 1, 2022

8.00

Breakfast

9.15

**“Philosopher’s Ship”: Vistula River Cruise – Transfer
to Krakow Old Town**

(arriving to Krakow about 11.00)

KEY INFORMATION

Internet Access

Cable Internet in the rooms
Wi-Fi Lectorium, no password

Social Media

facebook.com/krakowmeetings
instagram.com/krakowmeetings

Taxi iCar

+48 12 653 5555

Roman Turowski

+48 794 623 839

Link to connect (for all days of the conference):

<https://upjp2.webex.com/upjp2/j.php?MTID=mfd7c7697d-9e656d0957197162bce9446>

Number: 2734 177 4806

Password: 2022

PROGRAM
ONLINE

(Central European Time)

MONDAY

June 6

Section 1 | chair: Inna Golubovych

9.30

Olena Petrikovskaja, Odessa I.I. Mechnikov National University, Ukraine
*Неопатристика как опыт плодотворного сотрудничества философии
и богословия*

10.00

Petr Mikhaylov, Moscow, Russia
*Программа неопатристического синтеза между исторической теологией
и богословием культуры*

10.30

Ruslan Loshakov, Stockholm, Sweden
Различие сущности и энергии как основание онтологии действия

11.00

Andrei Rukavishnikov, Moscow, Russia
К вопросу о эстетическом измерении неопатристического синтеза

11.30

Discussion

Section 2 | chair: Victor Chernyshov

13.00

Inna Golubovych, Odessa I.I. Mechnikov National University, Ukraine
*Историческая философия и историческая герменевтика Георгия Флоровского:
к вопросу о концептуальных основаниях неопатристики*

13.30

Tatiana Sidorina, Moscow, Russia
Духовный кризис и пути его преодоления: программа Г. Флоровского

14.00

Elena Besschetnova, Moscow, Russia

*Русская идея Л.П. Карсавина и Г.В. Флоровского: полемика о будущем
христианской культуры*

14.30

Natalia Vaganova, Moscow, Russia

*«Пolemическое искусствoведение» о. Георгия Флоровского:
современный взгляд*

15.00

Discussion

Section 3 | chair: Josephien van Kessel

16.00

Victor Chernyshov, National University "Yuri Kondratyuk Poltava Polytechnic",
Ukraine

*Eastern-Orthodox Neopatristics vs Twenty Century's Thomism: Origin, Ideas,
Authenticity (A Comparative Study)*

16.30

Iveta Leitane, University of Latvia – Bonn University, Germany

The Use of Maimonides in "Neo-Patristic Synthesis"

17.00

Walter Sisto, D'Youville University, USA

*Bulgakov and a Sophiological Approach to Moderate
and Radical Cyborg Enhancements*

17.30

Kåre Johan Mjør, Western Norway University of Applied Sciences
University of Bergen, Norway

The Concept of Creativity in Georges Florovsky's Thought

18.00

Discussion

TUESDAY

June 7

Section 4 | chair: Elena Besschetnova

9.30

Tatiana Rezvykh, Moscow, Russia

Переписка о. Г. Флоровского с Н.А. Бердяевым

10.00

Pavliuchenkov Nikolai, Moscow, Russia

В.Н. Лосский и богословие всеединства в XX в.

10.30

Konstantin Matsan, Moscow, Russia

В.Н. Лосский и В.В. Зеньковский: два персонализма в контексте патристики

11.00

Elena Tverdislova, Jerusalem City Russian Library, Israel

Мирра Лот-Бородина: французская патристика русской исследовательницы

11.30

Discussion

Section 5 | chair: Tatiana Rezvykh

13.00

Tatiana Poletaeva, Moscow, Russia

Двойственность «Священного» в классической западной феноменологии религии и анализ «переживания Бога» в философии религии В. Соловьева

13.30

Oleg Marchenko, Moscow, Russia

Религиозно-философская группа «Путь» и идея неопатристического синтеза

14.00

Vladimir Chernus, Moscow, Russia

Аристократия духа: интенциональность святых Древней Руси

14.30

Aleksandra Berdnikova, Moscow, Russia

Онтологическое доказательство бытия Бога: переосмысление С.Л. Франком святоотеческого наследия

15.00

Discussion

Section 6 | chair: Artyom Gravin

16.30

Rev. George Belkind, Venëv, Russia

Патристика и психиатрия: эпистемологическая структура исповедальной практики у архим. Киприана (Керна)

17.00

Victor Troitskii, Moscow, Russia

Архимандрит Евфимий (Вендт) и его философско-богословское наследие

17.30

Denis Solodukhin, Moscow, Russia

«Консервативно-неопатристический» проект архимандрита Иннокентия (Просвирнина; 1940–1994)

18.00

Discussion

WEDNESDAY

June 8

Section 7 | chair: Elena Tverdislova

9.30

Rev. Rafał Bulowski SJ, Jalal-Abad, Kyrgyzstan

Pontifical Oriental Institute, Italy

Сергей Хоружий и новая русская школа: синергийная антропология

10.00

Daria Chentsova, Moscow, Russia

«Синергичная антропология исихазма» С.С. Хоружего: между неопатристикой и публичной теологией

10.30

Artyom Gravin, St. Petersburg, Russia

Коммуникативность в лингвофилософии Людмилы Гоготишвили и синергичной антропологии Сергея Хоружего

11.00

Discussion

Section 8 | chair: Kåre Johan Mjør

13.00

Rev. Brandon Gallaher, University of Exeter, The United Kingdom

Creation Out of Nothing and Human Culture:

Contrasting Approaches in Neo-Patristic Synthesis and Sophiology

13.30

Josephien van Kessel, Radboud University, The Netherlands

The Relation of Bulgakov's Sophiology and the Neopatristic Synthesis

14.00

Justyna Krocak, University of Zielona Gora, Poland

Neopatristic Theory of Ascetism According to Serguey Khoruzhy

14.30

Discussion

ABSTRACTS

Paul L. Gavrilyuk

Founding President, REBUILD UKRAINE

Founding President, International Orthodox Theological Association (IOTA)

Aquinas Chair in Theology and Philosophy, Theology Department, University of St. Thomas

FLOROVSKY AGAINST THE RUSSIAN WORLD: HIS ENGAGEMENT WITH EURASIANISM

Upon his arrival to Sofia (Bulgaria) in 1920, young Florovsky joined a circle of young Russian emigre intellectuals, who styled themselves “the Eurasians”. The main thrust of Eurasianism was to differentiate Russia’s civilization from Western Europe (Romano-Germanic world, in their vocabulary) and to treat the Orthodox faith as a future ideological foundation of the Russian state. Florovsky was at first attracted to Eurasianism because it helped him to articulate a distinction of Orthodoxy from the Western forms of Christianity. However, he later sharply broke with the Eurasians and criticized the main problem of the movement in his article, “The Eurasian Temptation” (“*Evraziiskii soblazn*,” 1928). Eurasianism was a successor of Slavophilism and a precursor – via Lev Gumilev and Alexander Dugin – to the ideology of the Russian World. This ideology has been embraced by Vladimir Putin and Patriarch Kirill and provided a major theoretical justification for Russia’s invasion of Ukraine in 2014 and in a more horrific form, in our time. The talk will present Florovsky’s engagement with Eurasianism and explore what resources Florovsky’s neopatristic theology has for resisting the ideological thrust of the Russian World.

Alexei Nesteruk

University of Portsmouth

A NEOPATRISTIC SYNTHESIS OF EXPERIENCE OF GOD IN A DIALOGUE WITH A SCIENTIFIC VISION OF THE SENSE OF THE HUMAN EXISTENCE

The paper will discuss the relevance of the proposed neo-patristic synthesis in theology for its dialogue with modern science in terms of expressing the sense of the ambivalent human existence in the universe in communion with God. We analyse, on the philosophical basis the very possibility of engaging patristic ideas with modern view about humanity and the universe.

Dmitry Biriukov

ЛИНИИ РЕЦЕПЦИЯ ПАЛАМИЗМА В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

В докладе будет представлена попытка сделать общий обзор рецепции паламизма в русской философии от середины 19 в. до, по меньшей мере, конца 1920-х гг.

Vladimir Cvetkovic

University of Belgrade,

**GEORGES FLOROVSKY AND ST JUSTIN POPOVIC:
BROTHERS IN ARMS FOR THE NEOPATRISTIC SYNTHESIS**

The aim of the paper is to offer an overview of the long-lasting friendship between Florovsky and Popovic, as well as of their common project to build an Orthodox theological synthesis on the basis of the patristic tradition.

The acquaintance between two began sometimes before 1924, when Popovic translated Florovsky's early work "Religious Experience and Philosophical Confession" into Serbian and published it in the journal "Christian life" (*Hrišćanski život*), and they were in constant correspondence during the 1920's and 1930's. A topic of common interest was Vladimir Solovyov's concept of synthesis, as well as their shared interest in the Church Fathers. Their friendship intensified during the WWII while both of them were in Belgrade, where they used to have weekly meetings. One may rightly suspect that the term neopatristic synthesis was coined in Belgrade, because it appeared for the first time several years later (in 1947 in Swedish). It is difficult to track any correspondence between Florovsky and Popovic from late 1940's until mid 1960's, when the contact was re-established with the help of Popovic's students Atanasije Jevtic and Amfilohije Radovic (Cvetkovic, 2021). The theoretical exploration of the similarities and differences in their concepts of synthesis and the use of Church Fathers will be carried out in conformity with Mathew Baker's definition of neopatristic synthesis as a platform for Orthodoxy's rapprochement to the Christian West, and re-interpretation of its tradition in dialogue with contemporary western philosophy (Baker, 2015). The paper will focus on three periods from Florovsky's and Popovic's lives, late 1920 and early 1930s, late 1940s and early 1950s and early 1970s. I argue that for both authors late 1920s and 1930s were a period of search for an Orthodox synthesis mostly in dialogue with their Orthodox predecessors, especially Khomiakov, Solovyov and Florensky and the modern western philosophical tradition, but also a period of the emergence of their first patristic works as the results of this search. The focus is then shifted to 1940s and 1950s and Florovsky's and Popovic's preoccupation with the neo-patristic methods of attaining Christian unity (and synthesis), either through Florovsky's "molecular ecumenism" and "ecumenism in time" or through Popovic's idea of *Svetosavlje*, especially applicable for multi-confessional Yugoslavia. Finally, I deal with Florovsky's and Popovic's 1970s' critique of political ecumenism of Patriarch Athenagoras Spyrou and Archbishop Iakovos Koukouzis, that was directly opposite to the reintegration of Christian mind, advocated by both authors.

Bibliography:

UNPUBLISHED MATERIAL:

Archival material is from: a) Florovsky's papers of the Princeton University Library; b) Andrew Blane's archive (the part in possession of late Matthew Baker); c) Archive of St Sergius Institute in Paris.

Baker, Matthew (2015). *Florovsky and Modern hermeneutics* (unpublished doctoral dissertation), New York: Fordham University.

PUBLISHED MATERIAL:

Baker, Matthew (2014). *Neopatristic Synthesis and Ecumenism: Towards the "Reintegration" of Christian Tradition*, in: A. Krawchuk and T. Bremer (eds.) *Eastern Orthodox Encounters of Identity and Otherness* (New York, NY: Palgrave Macmillan), 235–260.

Cvetkovic, Vladimir (2021). *Justin Popovic: Sinteza tradicije i inovacije* [Justin Popovic: A synthesis of Tradition and Innovation] (Belgrade: Institut za filozofiju i društvenu teoriju).

Lilianna Kiejzik

University of Zielona Gora

НЕПРОЧИТАННЫЙ ФЛОРОВСКИЙ. НА ОСНОВАНИИ ЕГО ПИСЕМ К БРАТУ АНТОНИЮ

В выступлении автор представляет, как в письмах к брату Антонию Г. Флоровский относился к проблематике евразийства и софиологии, наследия В.С. Соловьева, К.П. Победоносцева, других представителей русской научной интеллигенции и послереволюционной эмиграции. Используются также письма Клавдии Флоровской, сестры Георгия и Антония Флоровских, к ним. Обосновывается тезис, что за официальной версией об отношении Г. Флоровского к явлениям современной ему науки и культуры скрывался другой смысл.

Библиография:

1. Протоиерей Георгий Флоровский, Письма к брату Антонию, Москва 2021.
2. «Мне надо, чтобы моя жизнь имела какую-нибудь цель и смысл». Клавдия Флоровская: письма к братьям Георгию и Антонию Флоровским, Зелена Гора 2019.
3. Галчева Т.Н., Голубович И.В., «Понемногу приспосаблиюсь к «независимым обстоятельствам"». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции, София 2015.
4. Фонд А.В. Флоровского в Праге. Slovanska knihovna, Praha: T-FLOOR.

Marta Lechowska

Jagiellonian University

БОГОСЛОВИЕ ОТКРЫТОЕ ДЛЯ ФИЛОСОФИИ. ПЕРЕПИСКА МИРРЫ ЛОТ-БОРОДИНОЙ И СЕМЁНА ФРАНКА

Цель доклада – дополнить образ Мирры Лот-Бородиной, первой православной женщины-богослова и представительницы неопатристического движения отношением к неортодоксальным взглядам и идеям. Соответствующим материалом для реализации этой задачи является переписка Мирры Лот-Бородиной с русским философом Семёном Франком, творчество которого свидетельствует о глубокой, но сверхконфессиональной – внедогматической и внерелигиозной – принадлежности к христианству. Франк считал себя свободным философом, которого, как он надеялся, Бог примет в своё лоно, даже без одобрения Папы римского, а Лот-Бородина всю свою зрелую жизнь посвятила уточнению и переводу христианских догматических формул, подчеркивая в своих трудах различия между интеллектуально-духовными традициями восточного и западного христианства.

Православная богослов – та, для которой догматический фундамент веры был её неотъемлемым основанием – встретив на своём пути «свободного философа», осмеливавшегося переформулировать, исправить и критически отнестись как к самим догматам, так и к многовековому посланию Отцов, со всей силой своей внутренней зрелости приняла его в число духовно наиболее близких людей. Несмотря на принципиальные различия, Семён Франк стал для Мирры Лот-Бородиной одним из важнейших интеллектуальных и духовных спутников, тем, кто был ей нужен для духовного созревания – вставания в глубочайший смысл христианства.

Witali Michalczuk

Warsaw University

НИКОЛАЙ АРСЕНЬЕВ: НЕОПАТРИСТИКА ФАКУЛЬТЕТА ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛОВИЯ ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Одним из ярчайших представителей неопатристики в среде мыслителей русского Серебряного Века был Николай Арсеньев, на протяжении 13 лет занимавший профессорскую кафедру на Факультете Православного Богословия Варшавского Университета. Факультет был создан митрополитом Дионисием Валединским, который и пригласил проф. Арсеньева к преподаванию важнейших дисциплин: догматического богословия, сравнительного богословия, христианской философии, новозаветного писания. Проф. Арсеньев своей мыслью определил богословскую мысль целого поколения воспитанных им студентов. В Варшаве были изданы важнейшие работы проф. Арсеньева, принадлежащие к самым ранним пробам неопатристического синтеза

в русской религиозной мысли, в том числе и критика софиологии о. Сергия Булгакова, построенная на новом осмыслении системы патристического богословия (что и является цезурой направления русской религиозной философии, приведшей к неопатристическому синтезу). Проф. Арсеньев не только обратился к патристическому наследию как особой системе богословской мысли, но и к живому опыту церкви: мистики, духовной жизни и литургии, ставя проблему опыта, как главный системный вопрос, открывающий новый дискурс в богословии.

Robert Slesinski

Eparchy of Passaic

THE DISCLOSING OF ORTHODOXY IN THE CHURCH FATHERS ACCORDING TO L.P. KARSAVIN

An elaboration of Karsavin's discovery of Orthodoxy through an analysis of his study of Church Fathers will be made in this paper.

Łukasz Leonkiewicz

Orthodox Theological Seminary in Warsaw

NEOPATRISTIC ENERGYISM AS ORTHODOX EXISTENTIALISM

Neopatristics is a stage in the development of Orthodox thought, which is associated with the figure of Georgy Florovsky. His deconstruction of academic theology was aimed at renewing the Byzantine way of practicing theology, i.e. patristic thought. The slogan calling for the creation of a neopatristic synthesis, although considered by many scholars as unrealized, led to a complete turn in Orthodox theology towards rereading, rethinking and recounting the topics undertaken by the Church Fathers. Along with this turn, Orthodox theology acquired its contemporary character, manifesting itself in the general agreement for the patristic foundation of contemporary Orthodox thought.

This shift towards patristics is also marked by a change in the way of thinking about basic philosophical and theological issues. The concepts of substance (essence), hypostasis, person and, above all, energy have been re-commented on by contemporary researchers of the theology of the Church Fathers. Their modernity consisted in reading patristics in the spirit of the philosophy of that time (phenomenology or existentialism), which differed from classical German philosophy and thus from Russian religious thought of the Silver Age. A very interesting example of the new Orthodox philosophy is the very concept of energy, which, introduced into theology by Gregory Palamas in the 14th century, became a fundamental concept of modern Orthodox thought. Energy initially under-

stood as power (related to *dynamis*) or ordinary action of substances, in the works of G. Florovsky, J. Zizioulas, S. Horujy or Ch. Yannaras has become a fundamental concept – it makes present the freedom of person, it has become an anthropological, ecclesial reality, and, in fact, general philosophical category of the orthodox thoughts. The interest in the energy theology of Gregory Palamas led to the creation of the concept of Orthodox existentialism, in which it is energy (like an existence) that plays a fundamental role.

Bibliography:

1. G. Florovsky. *The Ways of Russian Theology*.
2. С.С. Хоружий. Концепт, семантика и проблематика личности у о. Георгия Флоровского.
3. Christos Yannaras. *Relational Ontology*, Holy Cross Orthodox Press (Brookline, MA), 2011.

Miglė Miliūnaitė

Vilnius University

PROTO-EXISTENTIALISM AND THE WAY OF THINKING ABOUT MUSIC IN AUGUSTINIAN WRITINGS

St. Augustine's ambivalent thinking about music gives rise to different interpretations and intriguing disagreements in contemporary research. There are two main views on Augustine's relationship with the Ancient tradition: the first, known as developmentalism, sees *De Musica's* "classical optimism" as gradually giving way to Christian ideas on the fall and humanity's radical dependence on grace; the second, which could be called continualism, articulates the centrality of Christian ideas of creation, the fall and salvation as a basically consistent account of grace across Augustine's corpus (Kenyon 2019). However, certain contradictions remain between his theoretical and practical reflections that are not fully resolved by either approach. Did Augustine not apply his theoretical considerations in practice, as was argued by H.I. Marrou (Marrou 1958)? What do these disagreements reveal about the relationship between rational reflection on music and authentic experience of it?

This paper suggests that Augustine's reflections on music can be interpreted in the "existential" light, that, as was observed by Martin Heidegger, "is to be found in all of his writing and long ago earned him the reputation of being a proto-existentialist" (Grondin 1997). Drawing on this assumption the present analysis attempts to show that while Augustine presents an ontological perspective on music and develops it in his theoretical treatises, in his practical considerations he does not try to fit the religious experience into "a rational frame of thinking", but uses another, psychological way of speaking, which emerges from the reciprocity of the relationship between the human soul and God. These different provisions are suggested to be interpreted as a feature of Augustine's model of theorizing,

in which judgments about music come not from its discursive knowledge, but, on the contrary, the reflections on music are conducted and inspired by the authentic life experience.

Elżbieta Teresa Kotkowska

Adam Mickiewicz University of Poznan

PAVEL FLORENSKY'S HOMOOUSIAN VISION OF REALITY IN RELATION TO THE HISTORICAL-SALVIFIC PERSPECTIVE OF THE UNIVERSE ACCORDING TO ST. GREGORY OF NYSSA

According to some categorisations, Pavel Florensky is considered one of the representatives of Neoplatonic Russian philosophy and theology, rather than Neoplatonic. However, when considering his thought in the theological space, one can see his achievements through the prism of the renewal of patristic thought, also in the Roman Catholic Church. Particularly important to note is the influence of the Greek Church Fathers on his thought, with particular reference to the Cappadocian Fathers.

In the analysis of the philosophical and theological thought of Fr. Pavel Florensky, it is impossible to overestimate the influence that the historical-salvific vision of man and the Universe of St. Gregory of Nyssa had on him. This one of the Cappadocian Fathers was a Platonist and immaterialist. He gave philosophical concepts a specifically Christian dimension.

It seems that it is possible to show the influence of the thought of Gregory of Nyssa on the religious, the homoousian vision of reality of Fr. Pavel Florensky.

Paweł Rojek

Jagiellonian University

NEOPATRISTICS AND TRINITARIAN ONTOLOGY: PAVEL FLORENSKY, VLADIMIR LOSSKY, AND JOHN ZIZIOULAS ON THE INDIVIDUATION IN THE HOLY TRINITY

The program of Trinitarian Ontology, initiated by Klaus Hammerle and continued by Piero Coda, Giulio Maspero and John Milbank, aims at the development of the general theory of being starting from the principles of trinitarian theology. In my paper I will try to introduce some Neopatristics authors (in a broad sense) into this debate. I focus on the ontological implications of three different versions of trinitarian theology developed by Pavel Florensky, Vladimir Lossky and John Zizioulas. Florensky's idea of homoousian philosophy leads, at least according to the interpretation suggested by Robert Slesinski, to a radical version of relational ontology in which objects are fully constituted by relations. In turn,

Lossky's implicit trinitarian ontology is more moderate, since it implies the existence of two irreducible ontological categories of objects and relations. Lossky accused Western theologians for dissolving hypostases in relations, which was, as I argue, also Florensky's position. Finally, Zizioulas's considerations suggest interesting ontological compromise. In his view there is only one fundamental object (namely, the hypostasis of the Father) which provides relational individuation for the Son and the Holy Spirit, as well as for every other created object. In all these three attempts of Trinitarian Ontology the category of relation plays a crucial role. It brings Neopatristics into the heart of the most debated contemporary trends.

Bibliography:

Florensky, Pavel. *The Pillar and Ground of the Truth. An Essay in Orthodox Theodicy in Twelve Letters*. Translated by Boris Jakim. Princeton: Princeton University Press, 2004.

Hemmerle, Klaus. *Theses towards a Trinitarian Ontology*. Brooklyn, NY: Angelico Press, 2020.

Lossky, Vladimir. *In the Image and Likeness of God*. Crestwood, NY: St Vladimir's Seminary Press, 1974.

Rojek, Paweł. "Dogmatics and Metaphysics: Methodological Aspects of the Metaphysics of the Trinity and Trinitarian Ontology." In *Dogma and Method. Introduction to Interdisciplinary Researches in Dogmatic Theology*, edited by Robert J. Woźniak. Roma: Edizioni Università della Santa Croce 2021.

Slesinski, Robert. *Pavel Florensky: A Metaphysics of Love*. Crestwood: St. Vladimir's Seminary Press, 1984.

Zizioulas, John. *Being as Communion: Studies in Personhood and the Church*. Crestwood, NY: St Vladimir's Seminary Press, 1985.

Daniel Kisliakov

University of Divinity

SERGIUS BULGAKOV AND HIS AUTHENTIC "NEO-PATRISTIC" LENS

The prevailing view of the study of the Russian theological revival is that Sergius Bulgakov does not belong to the "neo-patristic" movement. This view can be traced to Alexander Schmemmann, who spoke of the "trends or orientations" of 20th century Russian theology, the "Russian School" being philosophically-oriented and the "neo-patristic synthesis" being patristically-oriented.

Scholarship is increasingly questioning this dichotomy, and indeed, the merits of the very distinction between philosophy and patristics. The Church Fathers themselves integrate into philosophical systems; it is better to speak of their integration rather than their division. Philosophy and patristics are in dialogue, and the perception of distinction is a likely cultural vestige of modern origin.

The study of Bulgakov is a case in point. The perception that Bulgakov is not focused on patristics is dispelled by a survey of his corpus. But given his schooling in Idealism, he was inclined to write in the

language of philosophy. Rather than being philosophically-oriented, he looked to reflect on theology originally but with a cognisance of the patristic grounding of the Orthodox theological approach.

By utilising philosophy as a means of attaining theological insight, the argument can be made that Bulgakov was consonant with the embrace of philosophy of the patristic writings themselves. In pursuing this boldly, the argument can be pursued that he was more authentically “neo-patristic” than the “neo-patristic movement” itself. In doing this, the case of Bulgakov and his approach to theology is instructive in the integration of philosophy to the study of patristics.

Harry Moore

University of Oxford

FLOROVSKY’S “LOGICAL RELATIVISM”: A PHILOSOPHICAL AND THEOLOGICAL CRITIQUE

This paper will address the logical and epistemic issues raised in Florovsky’s article “On the Substantiation of Logical Relativism”. It will be shown that despite his refined argument, and examples from geometry, mathematics and legal theory, Florovsky fails to make a complete case for logical relativism which would be impervious to critiques of self-refutation. It will also be suggested that Florovsky’s “logical relativism” contradicts his own “patristic witness” which relies on absolute truth.

Florovsky’s argument will first be presented according to his article. Recent appraisals of his position from the likes of Robert Arida will then be addressed. Finally, we turn to critiques of logical and epistemic relativism from Hilary Putnam, Alexander Paseau and Maximus the Confessor, revealing them to be philosophically and theologically effective against Florovsky’s brand of relativism.

Bibliography:

Arida, Robert, *Gleanings from Father Georges Florovsky’s “On the Substantiation of Logical Relativism”*, ΘΕΟΛΟΓΙΑ 1 (2013), 17–24.

Baghramian, M., and Coliva, A., *Relativism* (London: Routledge, 2019).

Florovsky, Georges, *On the Substantiation of Logical Relativism*, trans. Catherine Boyle in *Collected Works* vol. 12 (Belmont: Nordland Publishing Company, 1989), 143–169.

Gallagher, Brandon and Paul Ladouceur eds., *The Patristic Witness of Georges Florovsky: Essential Theological Writings*.

Maximus the Confessor, *The Ambigua*, vols. I and II, trans. Nicholas Constas (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014).

Paseau, A. C., *Logos, logic and maximal infinity*, *Religious Studies* (2021).

Putnam, Hilary, *Reason, Truth and History* (Cambridge: CUP, 2008).

Anna Reznichenko

Moscow

«...МІР ОПРОЗРАЧНИВАЕТСЯ...» ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О РОЖДЕНИИ НЕОПАТРИСТИКИ ИЗ ДУХА СОФИОЛОГИИ

В рамках доклада предполагается рассмотреть историю формирования и функционирования идей неопатристики («парижской школы богословия»), сформировавшейся вокруг Свято-Сергиевского Православного богословского института в Париже во второй четверти – середине XX столетия. История развития неопатристики, ее специфика и основные концепты будут рассмотрены в том дискуссионном контексте, который сопровождал неопатристику с момента ее появления и до сих пор придает ее идеям непреходящую актуальность и остроту. Речь идет, прежде всего, о софиологии булгаковского типа, в дискуссии о которой высказались практически все наиболее яркие представители неопатристического движения в период его формирования и расцвета (прот. Георгий Флоровский, В.Н. Лосский, архим. Киприан (Керн)) и др.

С одной стороны, каждый из участников дискуссии занимает в ней свою собственную позицию, имеющую четко очерченные границы онтологические модели и социальных ролей. С другой стороны, через солидарные или критические реплики, все участники дискуссии становятся акторами единого смыслового поля, которое мы сейчас и называем неопатристикой. Доклад будет посвящен уточнению границ этого поля и позиций его участников. Такое уточнение неосуществимо без анализа текстов участников дискуссии этого периода, в том числе только вводимых сейчас в научный оборот (пропущенные «Главы о Троичности»¹).

Liubov Petrova

St. Petersburg

ИМЯСЛАВИЕ И ПАЛАМИЗМ В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА С.Н. БУЛГАКОВА

Интерес С.Н. Булгакова к философии языка был инициирован имяславскими спорами начала XX века, в которых о. Сергей принимал активное участие на стороне защитников имяславия. Однако формула афонитов «Имя Божие есть Сам Бог» принималась им не безоговорочно: уже в своей ранней статье, посвященной афонскому вопросу, Булгаков выражает

1. См.: Булгаков С.Н., прот. Главы о Троичности. Главы 15–18, публ. и примеч. А.И. Резниченко, в С.Н. Булгаков: рго et сопга, антология. Т. 2, сост., вступ. статья., коммент. иером. Мефодия (Зинковского), иером. Кирилла (Зинковского), иером. Тихона (Васильева), Санкт-Петербург: РХГА, 2021.

сомнение в удачности имяславской формулы. А позднее, в своем обширном сочинении «Философия имени» Булгаков дает собственное толкование афонской формулы, привлекая для этого святоотеческое (паламитское) понятие энергии. Уже с самого начала споров аргументация имяславцев опиралась на паламитское учение о различении в Боге неизменяемой сущности и именуемых божественных энергий, благодаря которому было возможно утверждать божественность Имени при сохранении понимания Бога как неизменяемого по сущности. Булгаков следует той же логике в защите имяславской позиции, в ходе рассуждения выстраивая систему философии языка с привлечением античного, святоотеческого и новоевропейского понятийного инструментария и опираясь на лингвистические теории своего времени. Однако, несмотря на такую значительную философскую разработку проблемы языка и слова, вопрос о соотношении божественной энергии и Имени Божьего в богословской мысли о. Сергия Булгакова оставался открытым. В докладе будет рассмотрен вопрос о понимании Булгаковым божественной энергии в ее отношении к Имени Божьему, а также прослежена связь его общих воззрений на природу языка и слова, основанных на филологических концепциях В. Гумбольдта и А.А. Потебни, с имяславской проблематикой.

Согласно С.Н. Булгакову имя Божие является энергией Божией, но только в значении собственного, а не нарицательного имени. Проблеме спецификации имен Булгаков уделяет очень много внимания, она является одной из ключевых в его философии языка. Сначала Булгаков устанавливает, что всякое имя имеет природу сказуемого, а значит, всякое имя по своему существу предикативно и нарицательно. Но вместе с тем, всякое имя одновременно может быть и собственным, но уже не в границах языка как такового, а в качестве некоторой мистической интенции, заложенной в особенной отнесенности имени к его носителю. Актуализация указанной отнесенности к носителю зависит не от самого имени, поскольку в качестве слов языка все имена являются нарицательными, а от способа употребления имени в речи (например, в модальности молитвы).

Для о. Сергия (в отличие от П. Флоренского) представление о символе не несет решающего значения в его учении об имени Божием, поскольку в значении собственного имени оно выступает не символом, а тем что больше, чем символ – энергией. В этом смысле, согласно Булгакову, имя Божие можно сопоставить не с иконой, имеющей символическую природу, поскольку она является вместилищем божественной энергии, но с евхаристическими Дарамы, в отношении которых допустимо говорить не о символизации, но о пресуществлении их материальной части.

Паламитская онтологическая пара сущности и энергии в философии языка С.Н. оказывается задействована на всех уровнях: от самого обыкновенного имени существительного до имени Божьего. Главным образом это связано с установкой Булгакова на интерпретацию языка не как исключительно гносеологической, но и как онтологической реальности, которая смещает акцент с энергии слова на энергию самой вещи. Понятие энергии у Булгакова начинает функционировать не столько как концепт, выражающий природу языка, сколько

как репрезентация способа бытия самих вещей. В слове проявляется энергия потаенной сущности вещи, недостижимое ноуменальное отрывает себя в феноменальности языка. И подобно тому, как в паламизме исходным «атомом бытия» выступает сущность и энергия, раскрывающая непознаваемую сущность, так и в умозрении о. Сергия энергия представляется субстанцией в действии, действительным откровением сущности в слове.

Библиография:

Бирюков Д.С. Исследование рецепции паламизма в Русской мысли начала XX в.: вопрос о философском статусе паламизма и варлаамизма, его решение и контекст, Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 5. С. 34–47.

Булатович А., иеросх. О почитании Имени Божия, Санкт-Петербург: Алетейя, 2013.

Булгаков С.Н. Афонское Дело, в С.Н. Булгаков: Pro et contra. Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Т. 1, Санкт-Петербург: Издательство РХГИ, 2003. С. 292–304.

Булгаков С.Н. Свет невечерний, Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС, Москва: Искусство, 1999.

Булгаков С.Н. Смысл учения св. Григория Нисского об именах, в С.Н. Булгаков: Pro et contra. Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Т. 1, Санкт-Петербург: Издательство РХГИ, 2003. С. 336–343.

Булгаков С.Н. Философия имени, Санкт-Петербург: Наука, 2008.

Готишвили Л. А. Лингвистический аспект трех версий имяславия (Лосев, Булгаков, Флоренский), в Сергей Николаевич Булгаков, Москва: Политическая энциклопедия, 2020. С. 334–374.

Лескин Д., свящ. Спор об Имени Божиим: Философия имени в России в контексте афонских событий 1910-х гг., Санкт-Петербург: Алетейя, 2004.

Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев). Священная тайна Церкви: Введение в историю и проблематику имяславских споров, Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко; Москва: Храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Большой Ордынке в Москве, 2013.

Резниченко А.И. О смыслах имен: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores, Москва: Издательский дом РЕГНУМ, 2012.

Sr. Teresa Obolevitch

The Pontifical University of John Paul II in Krakow

ВЛАДИМИР ЛОССКИЙ И О. ВАСИЛИЙ КРИВОШЕИН: ДВА ВИДЕНИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПАТРИСТИКИ

В докладе будут представлены взаимоотношения двух выдающихся представителей патристического ренессанса в XX веке: архиепископа Василия Кривошеина и Владимира Лосского. Лосский считается представителем неопатристического синтеза. В свою очередь,

о. Василий Кривошеин, который имел выдающиеся заслуги для патристических штудий, скептически относился к идее неопатристического синтеза, полагая, что для него еще не пришло время. И Лосский, и Кривошеин принимали участие в международных патрологических съездах в Оксфорде, а их работы получили мировое признание. Оба подчеркивали важность апофатического метода, хотя несколько иначе понимали его роль для философско-богословских изысканий. В докладе также будет рассмотрена инициатива приглашения советских ученых на Второй патрологический конгресс в Оксфорд, исходящая от Кривошеина и поддержанная Лосским.

Nikolay Kostin

The Pontifical University of John Paul II in Krakow

ЛЮБОВЬ К ВРАГАМ: ОСМЫСЛЕНИЕ ПАТРИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СВ. СИЛУАНОМ АФОНСКИМ

Святой Силуан Афонский (1866–1938 гг.) – афонский монах русского происхождения. Человек с очень скромным образованием, ведущий простую жизнь. Он не является ни философом, ни интеллектуалом вообще, в принятом значении этого слова. Возможно, что с академических позиций его фигуру сложно отнести к школе неопатристики и неопатристического синтеза. В известном смысле св. Силуан является продолжателем классической патристической традиции, без учета временных рамок.

Обычный сельский ребенок, затем – солдат, а после – простой афонский монах. На первый взгляд жизнь и тексты такого человека не могли заинтересовать широкий круг лиц из разных сфер. Тем более, что само написание текстов не было основной задачей св. Силуана, его творения немногочисленны, но насыщены и концентрированы. Но, несмотря на это, мы имеем «феномен Силуана», который оказал влияние на богослова архим. Софрония (Сахарова), философа Жан-Клода Ларше, композиторов Джона Тавенера и Арво Пярта, православное монашество и священство, а также на всю современную православную традицию.

В данном выступлении мы рассмотрим одну из основополагающих частей духовного учения и «опытной философии» св. Силуана – любовь к врагам. Любовь к врагам является связующей между двумя другими основными смысловыми частями учения: смирения и покаяния. Мы предпримем анализ «любви к врагам» по св. Силуану Афонскому и тем самым продемонстрируем органическую связь его текстов как с классической традицией патристики, так и с философской школой неопатристического синтеза.

Aleksander Posacki

Collegium Verum (Warsaw)

ИДЕЯ ИСИХАСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ С. ХОРУЖЕГО, ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА М. ХАЙДЕГГЕРА И КОНТРИНИЦИАЦИЯ Р. ГЕНОНА

Исихастическая трансформация (теозис) во всех подходах напоминает концепцию универсального посвящения (инициации), а философский и духовный путь Хайдеггера явно напоминает контринициацию в подходе Генона, движущегося к духовности смерти и философии небытия. Хоружий видит эту опасность и пытается адаптировать хайдеггеровскую концепцию бытия-к-смерти к исихазму, совершая специфическую структурную деконструкцию. Экзистенциальная аналитика Хайдеггера раскрывает природу духовной трансформации человека, которая является и должна быть радикальной, но, возможно, идет в неправильном направлении. Таким образом, «нигилистический апофатизм» Хайдеггера напоминает концепцию Генона о контринициации.

Подобное сопоставление мыслей вышеупомянутых и в то же время очень разных авторов кажется довольно редким в научной литературе, но оно действительно расширяет наш познавательный кругозор и ведет нас – в соответствии с общим замыслом работы Хоружего – к горизонту новых, неожиданных и междисциплинарных исследований.

Roman Turowski

The Pontifical University of John Paul II in Krakow

СИНЕРГИЙНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И МЫСЛЬ О ЧЕЛОВЕКЕ В СОВРЕМЕННОМ ГРЕЧЕСКОМ ПРАВОСЛАВИИ: С.С. ХОРУЖИЙ, И. ЗИЗИУЛАС, ХР. ЯННАРАС

В данном реферате будут исследованы связи синергетической антропологии Сергея Сергеевича Хоружего (1941–2020) с антропологической мыслью, развиваемой сегодня в рамках православной традиции.

В современном греческом богословии сформировалось интеллектуальное направление, представители которого используют в своих построениях антропологические концепции, ранее развитые в экзистенциализме и феноменологии. При этом тайна человеческой личности понимаемой в ключе христологического и тринитарного догмата, не сводится здесь к какой-либо рациональной и внутренне непротиворечивой, целостной теории. К этому направлению принадлежат такие авторы, как Иоанн Зизиулас (род. 1931) и Христос Яннарас (род. 1935). Они оба вдохновлялись в своей антропологии мыслями Каппадокийских Отцов. Последние, ис-

пользуя для описания человека раннее считавшиеся только богословскими категории *prosopon* и *hipostasis*, совершили своеобразную онтологическую и антропологическую революцию.

Схожее с Зизиулосом и Яннарасом толкование и методологический подход к святоотеческой антропологии (христологической антропологии обожения) присутствует также в мысли русского философа. Его способ осмысления человека как открытой, динамичной реальности конституируемой путем размыкания, выхода за собственные Границы и взаимодействия (также и синергии) с внешней по отношению к ней Реальностью (в том числе с инобытийным, Внеположным Источником), во многом перекликается с подходом к человеку демонстрируемым упомянутыми греческими авторами. Такая онтология человека стала одной из основ концепта Синергийной Антропологии, сформулированного Хоружим.

Olena Petrikovskaja

Odessa I.I. Mechnikov National University

НЕОПАТРИСТИКА КАК ОПЫТ ПЛОДОТВОРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ФИЛОСОФИИ И БОГОСЛОВИЯ

Восстановление утраченной гармонии и взаимосвязи между религиозным и философским знанием мною рассматривается как актуальная задача для православной мысли. Это позволит и богословию, и философии брать участие в мировоззренческом диалоге в обществе и быть экспертом по всем важным вопросам жизни людей.

Сотрудничество между православием и философией в неопатристике видится возможным на основе освобождения от западного образа мысли о религии и мире (особенно новоевропейского) и признания реальной сложности самого вопроса.

Такая позиция вполне закономерно вызывает критику, которой следует уделить отдельное внимание: во-первых, уточнить направления критики, во-вторых, раскрыть ее теоретико-методологические основания. В частности, следует показать влияние на критиков «культурных поворотов» или новых подходов в науках о человеке, обществе, культуре. Современная внутривославная дискуссия вокруг неопатристики представляется еще более актуальной для рассмотрения. Ключевыми будут тексты Н. Гаврюшина, П. Гаврилюка, Ю. Черноморца, К. Сигова, А. Филоненко, Ф. Нофала.

Библиография:

Петриковская Е.С. Человек в философской и богословской рефлексии XX столетия: антропологическая тема в творчестве Г.В. Флоровского, в Актуальні питання творчої спадщини Г.В. Флоровського, Одеса: Фенікс, 2009. С. 167–196.

Петриковская Е.С. Православие и философия: история взаимоотношений. Обзор современных дискуссий, в Религиозные традиции Европы и современность: изучение и преподавание в российских и зарубежных университетах: сборник научных и научно-методических статей, Иваново, 2011. С. 48–62.

Петриковская Е.С. Неопатристика, в Идеи в России. Русско-польско-английский лексикон, Лодзь: Ibidem, 2014. С. 286–296.

Петрикiвська О.С. «Вiзантiя пiсля Вiзантiї». Як зберегти спадок?, в «Вiзантiйщина»: вiзантiйський цивiлізацiйний спадок у Центральнo-Схiднiй Європi». Збiрка статей, Харкiв: Майдан, 2018. С. 190–204.

Петриковская Е.С. Философские ориентиры православных на постсоветском пространстве, в Δόξα/Докса. Збiрник наукових праць з фiлософiї та фiлологiї, Вип. 2 (30). Одеса: ОНУ ім. I.I. Мечникова 2018. С.40–53.

Petr Mikhaylov

Moscow

ПРОГРАММА НЕОПАТРИСТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА МЕЖДУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕОЛОГИЕЙ И БОГОСЛОВИЕМ КУЛЬТУРЫ

В настоящему времени утвердилось мнение, что программа неопатристического синтеза, провозглашенная прот. Георгием Флоровским в середине 30-х гг. и многократно им подтвержденная в последующие годы, за последние десятилетия послужила концептуальной платформой для православного богословия и особенно для богословского образования во всем мире. Тем не менее, до сих пор не стихают споры относительно ее отдельных постулатов, в частности, вопроса о христианском эллинизме, и их релевантности для актуального богословского процесса. Настоящим сообщением докладчик намерен показать закономерности столь причудливой конфигурации концепции Флоровского, с одной стороны, через ее оценку в перспективе развития исторической теологии и сравнения с общими линиями развития последней в протестантском и католическом богословии XIX–XX вв., а с другой — через рассмотрение ее элементов в связи с поисками православного формата для богословия культуры (ср. философия, или богословие истории). Совмещение разных дискурсов и обуславливает неизбежные противоречия, содержащиеся в программе неопатристического синтеза, и вместе с тем те несомненные перспективы, которые обеспечили ей её позднее распространение и успех

Библиография:

Источники:

Флоровский Г.В. Пути русского богословия (Глава «Разрывы и связи»), Париж, 1937, с. 500–520.

Florovsky G. *Patristics and Modern Theology*, Athens, 1939, p. 238–242.

Florovsky G. *The Legacy and the Task of Orthodox Theology* (1949).

Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ, Москва, 1993.

«На древе крестном: Учение Отцов об искуплении» (In lingo crucis. *The Patristic Doctrine of the Atonement* (1936–1939), в *Georges Florovsky Papers, 1916–1979*. Princeton University Library. C0586. Box 1, 2; Folder 1, 4.

Исследования:

Михайлов П.Б. Концепция эллинизации христианства в истории теологии, Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. Вып. 71. С. 50–68 (интернет-версия: http://pstu.ru/download/1498049056.3_Mikhaylov_50–68.pdf).

Михайлов П.Б. Богословие истории прот. Георгия Флоровского, в Георгий Васильевич Флоровский, Москва: Политическая энциклопедия, 2015, с. 156–179.

Михайлов П.Б. Новое обращение к патристике: «парижское богословие» русского зарубежья и «новая теология» французских католиков, в Диалог со временем 68, Москва: ИВИ, 2019, с. 133–148.

Михайлов П.Б. Неопатристический синтез <энциклопедическая статья>, в Православная энциклопедия, т. XLVIII (2017), с. 654–657.

Калаидис П. От «возвращения к отцам» к необходимости современного православного богословия, Страницы. Т. 16 (2012), вып. 3, с. 326–353.

Behr J. (Archpriest). *Theological Education in the Twenty-First Century*, *Journal of Orthodox Christian Studies* 3.1 (2020), p. 1–11. <http://www.ecclesia.gr/greek/press/theologia/index.asp> Θεολογία 2010.

Gavrilyuk P.L. *Varieties of Neopatristics: Georges Florovsky, Vladimir Lossky, and Alexander Schmemmann, in The Oxford Handbook of Russian Religious Thought*, ed. by C. Emerson and others, Oxford, 2020, p. 528–542.

Ladouceur P. *Treasures New and Old: Landmarks of Orthodox Neopatristic Theology*, SVTQ 56:2 (2012), p. 191–227.

Obolovitch T. *Filozofia rosyjskiego renesansu patrystycznego: o. Geоргij Florowski, Włodzimierz Łoski i inni*, Kraków, 2014.

Оболевич Т. «Вперед к отцам» вместе с эллинами? Размышления на полях книги «Георгий Васильевич Флоровский», Вопросы философии. 2016. № 6, с. 125–133.

Les Pères de l'Église aux sources de l'Europe, dir. par D. Gonnet, M. Stavrou, Paris: Cerf, 2014.

Ruslan Loshakov

Stockholm

РАЗЛИЧИЕ СУЩНОСТИ И ЭНЕРГИИ КАК ОСНОВАНИЕ ОНТОЛОГИИ ДЕЙСТВИЯ

Опираясь на понимание сущности как $\tau\acute{o}\ \acute{\tau}\acute{\iota}\ \acute{\epsilon}\nu\acute{\iota}\nu\alpha\iota$ – «того, что стало быть», которое представлено в «Метафизике» Аристотеля, дается экспликация энергии ($\acute{\epsilon}\nu\acute{\epsilon}\rho\gamma\epsilon\iota\alpha$) как чистого действия, являющегося «основанием» самой сущности. Таким образом, логика сущности, как предикативный дискурс, представляет собой перевернутую онтологию, поскольку ее основанием полагается сущность, сама являющаяся результатом энергии как чистого

действия. Вместе с тем предикативный дискурс не может быть полным, что отмечено Аристотелем в понятии аналогии, а в двадцатом столетии – известной теоремой Курта Гёделя о неполноте. Поскольку сущность производна от энергии, то чистое действие не может быть глагольным предикатом какого-либо субъекта, выступая как нередуцируемый инфинитив. В этом смысле чистое действие воплощает актуальную бесконечность как бесконечность действия, а не состояния, и предполагает иной темпоральный порядок, чем тот, который может быть представлен в логике сущности как опоре рациональной речи.

Andrei Rukavishnikov

Moscow

К ВОПРОСУ О ЭСТЕТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ НЕПАТРИСТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА

В докладе планируется определить место и роль эстетической составляющей в формировании философского кредо школы неопатристического синтеза – в основном на материале работ П.Н. Евдокимова. В частности, будет проанализировано понимание красоты в контексте разработанной им теологии присутствия, будет сформулирован ответ на вопрос о том, почему православная икона самим фактом своего присутствия приводит к распаду «треугольника эстетического имманентизма» повседневного художественного творчества, а также затронут вопрос о возможности использования в богословской практике так называемого «калокагатического доказательства» бытия Божьего.

Библиография:

1. Евдокимов П.Н. Искусство иконы. Богословие красоты, Клин, 2005.
2. Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы, Москва, 1996.
3. Ильин И.А. Одинокий художник. Статьи, речи, лекции, Москва, 1993.
4. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х тт. Т. 1, Москва, 1994.
5. Бычков В.В. Феномен иконы, Москва, 2009.
6. Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви, Москва, 2008.
7. Вейдле В.В. Умирание искусства, Москва, 2001.
8. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы, Москва, 1997.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА ГЕОРГИЯ ФЛОРОВСКОГО: К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕОПАТРИСТИКИ

Цель данной презентации – реконструировать комплекс философско-теоретических предпосылок неопатристического синтеза Г.В. Флоровского и акцентировать внимание в этом комплексе на исторической философии и исторической герменевтике. Именно эти темы стали одними из магистральных для молодого ученого, выпускника историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета (Одесса), оказавшегося в эмиграции (София, Прага), где выходит ряд его научных публикаций по данной тематике и где Г. Флоровский защищает магистерскую диссертацию «Историческая философия Герцена» (Прага, 1923 г.). Философия истории Георгия Флоровского обретает устойчивые черты уже в 1920-е годы («Смысл истории и смысл жизни» (1921), «О типах исторического истолкования» (1925), «Метафизические предпосылки утопизма» (1923–1926), «Эволюция и эпигенез (к проблематике истории» (1930) и др.). Постижение истории у Георгия Флоровского можно условно охарактеризовать как путь от философии истории к богословию истории, которое складывается уже в послевоенный американский период. Главная интеллектуальная интрига такой реконструкции заключается в вопросе, насколько становление «богословия истории» о. Георгия соотносится с формированием его неопатристики.

Библиография:

Голубович И.В. «Одесский период» жизни и творчества Г. В. Флоровского в контексте интеллектуальной биографии, Вісник Одеського національного університету. Т. 12. Вип. 15: Філософія. Одеса, 2007. С. 37–46.

Голубович И.В. «Конец истории» и «конец прогресса» сквозь призму «утопического соблазна»: аргументы и контраргументы Георгия Флоровского, Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Історія. Філософія. Політологія. Збірник. наук. праць. Вип. 3. Одеса, 2011. С. 96–102.

Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюся к независимым обстоятельствам»: П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции, София: Изд-во «Солнце», 2015.

Голубович И.В. «Взорвать изнутри философию истории...»: Рождение богословия истории из духа феноменологии (Опыт Г.В. Флоровского). Предварительные замечания, в Значение – смысл – символ. Теология, философия и эстетика на рубеже веков. Материалы Международной научной конференции, 28–30 октября 2016. Кинерет. Израиль, Москва: Изд-во РГГУ, 2016. С. 41–47.

Голубович И.В. П.М. Бицилли и Г.В. Флоровский о формах исторического истолкования, в Гуманитарная наука в России и перелом 1917 года: экзистенциальное измерение, ред. О.А. Довгополова и А.А. Каменских, Санкт-Петербург: Алетей, 2017. С. 193–206.

Голубицкая А.В., Голубович И.В. Историческая философия и богословие истории отца Георгия Флоровского: теоретико-концептуальные основания, Труды Київської духовної академії. 2018. № 28. С. 181–192.

Голубович И.В. Логика, феноменология, герменевтика в исторической философии и богословии Георгия Флоровского, Вопросы богословия. 2020. № 1. С. 75–103.

Tatiana Sidorina

Moscow

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ: ПРОГРАММА Г. ФЛОРОВСКОГО

Тема социокультурного кризиса широко представлена в русской религиозной философии первой половины XX столетия. Кризис европейской культуры проявил зрелее в России ощущение грядущих социальных катастроф. Произведения русских философов полны тревоги о будущем человечества, о судьбе России, предчувствия возможной гибели. Неслучайно частое обращение к теме Апокалипсиса, грядущей катастрофы, конца истории, отличающее творчество русских религиозных мыслителей. Русских религиозных мыслителей объединяет высокая оценка роли и значения человечества в деле преображения жизни. Развитие идей религиозного возрождения можно проследить в творчестве Вл. Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова, Н. Трубецкого, Д. Мережковского, русских космистов. В своем докладе я предполагаю обратиться к вопросу духовного кризиса, его рассмотрению в учении Г.В. Флоренского и предложенной им в рамках «неопатристического синтеза» программе преодоления. Флоровский верил, что христианство способно подвинуть человечество к возрождению культуры. Подобно отцам Церкви, он обосновывает грядущие перемены в культуре, «зашедшей в тупик», и приходит к богословию культуры.

Библиография:

Флоровский Г.В. Пути русского богословия, Вильнюс, 1991.

Флоровский Г.В. Вера и культура, в Флоровский Г.В. Избранные богословские статьи, Москва, 2000.

Трубецкой Н.С. История. Культура, Язык, Москва: Прогресс, 1995.

Сидорина Т.Ю. Культурные трансформации XX столетия. Кризис культуры в оценке западноевропейских и отечественных мыслителей, Москва: Проспект, 2018.

Глазков А.П. Эсхатологическая историософия в русской религиозной философии: от славянофилов к «неопатристическому синтезу»: монография, Москва: КноРус; Астрахань: Астраханский университет, 2016.

Ермишина К. Феномен культуры в понимании Г.В. Флоровского, История философии. 2014. № 19.

**РУССКАЯ ИДЕЯ Л.П. КАРСАВИНА И Г.В. ФЛОРОВСКОГО: ПОЛЕМИКА
О БУДУЩЕМ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Интеллектуальные перипетии XX века сложны, они сближают по форме и отталкивают по содержанию. Примером таких «сближений и отталкиваний» может служить судьба двух представителей русской духовной культуры: Л.П. Карсавина и Г.В. Флоровского. Несмотря на то, что оба начали как евразийцы, и продолжили как православные мыслители, высоко ценившие учения Святых Отцов Церкви, их личные отношения были весьма холодными без влияния одного сюжета их биографий, когда они стали соперниками и претендовали на одну и ту же кафедру в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже. Но при этом стоит отметить, что на обоих философов огромное влияние оказала философия Вл.С. Соловьёва. Карсавин был его прямым идейным учеником и выстраивал свои метафизические взгляды вокруг понятия всеединства. Флоровский в свою очередь с юношеских лет был вдохновлен религиозно-философскими взглядами Соловьёва, посвятил ему несколько работ и называл его своим первым учителем религиозной философии. Но Флоровский уже в молодости не принимал «пантеистические мотивы» философии Соловьёва и его очевидное заимствование понятий из немецкого идеализма. С этого и начинается его критика религиозно-философского Ренессанса. Флоровский в том, числе отмечал, что собственный мистический опыт Соловьёва был не церковный. Отношение к философии Соловьёва во многом стало идейной платформой для расхождения Карсавина и Флоровского. Но при этом в след за Соловьёвым у них обоих вырастает проект «Русской идеи», представляющие два различных пути её развития. Карсавин в своей работе Восток, Запад и Русская идея дает проекцию русской идеи в настоящее, то есть постреволюционную реальность. Он выстраивает свой проект сквозь метафизику всеединства и историософский соловьёвский проект «свободной теократией». В свою очередь, Русская идея Флоровского носит экуменический характер, но не соловьёвского типа. В основе его учения лежит идея «неопатристического синтеза», что понимается как творческое, с учётом современного философского опыта («Вперед – к Отцам»), возвращение к святоотеческой традиции Вселенской (Неразделённой) Церкви. Схема Флоровского представляет собой культурно-интеллектуальный процесс, предполагающий обоюдную эволюцию: путь возрождения лежит через преодоление западного пути, через решение западных противоречий и ошибок, через преодоление западного отступления от православия и выведение его к святоотеческой норме, к новому православному воцерковлению его.

Natalia Vaganova

Moscow

**«ПОЛЕМИЧЕСКОЕ ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ» О. ГЕОРГИЯ ФЛОРОВСКОГО:
СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД**

Летом 1926 г., за десять лет до кульминации так называемого «Спора о Софии» о. Георгий Флоровский в письме к о. Сергию Булгакову указывает: «... есть два учения о Софии и даже – две Софии, точнее сказать, – два образа Софии: истинный и реальный и – мнимый. Во имя первого строились святые храмы в Византии и на Руси. Вторым вдохновлялись Соловьев и его масонские и западные учителя...». А.Е. Климов, разделяя мнение прот. Иоанна Мейендорфа о том, что «антисофиологический пафос различим почти во всем научном наследии о. Георгия», анализирует серию работ Флоровского (см.: Климов А.Е. Г.В. Флоровский и С. Н. Булгаков. История взаимоотношений в свете споров о софиологии, в С.Н. Булгаков: религиозно-философский путь, Москва, 2003. С. 86–114. Публикацию полного текста письма см.: Резниченко А.И. «Я не знаю, насколько тверды и самоотвержены миряне парижские: пятнадцать писем другу. Письма прот. Г. Флоровского к прот. С. Булгакову (1925–1943), в Софиология и неопатристический синтез: богословские итоги философского развития. Сборник научных статей, Москва, 2013. С. 115–169), представляющих собой «попытки чисто научным образом, без перехода на личности, подвергнуть критике основополагающие предпосылки софиологической доктрины». Одной из таких попыток явился доклад 1930 г., впоследствии опубликованный под названием «О почитании Софии, Премудрости Божией, в Византии и на Руси» (см.: Флоровский Г. О почитании Софии, Премудрости Божией, в Византии и на Руси, Труды V съезда русских академических организаций за границей. Ч. 1, София, 1932. С. 485–500; переизд.: Альфа и Омега. 4. 1995. С. 145–161). Флоровский предлагает читателю ряд экскурсов в историю софийной иконографии и, привлекая к своему исследованию обширные историко-искусствоведческие материалы, стремится показать несостоятельность соответствующих представлений у Соловьева, Флоренского и Булгакова. Тем самым, споры о Софии вдохновили последующие исследования иконографии Софии Премудрости Божией, актуальные и в настоящее время как в богословском, так и в искусствоведческом аспектах. В наши дни интерес к софиологической проблематике нарастает, что делает необходимым, в частности, новое рассмотрение, уточнение и, возможно, пересмотр «искусствоведческих» аргументов Флоровского с современных позиций.

Victor Chernyshov

National University "Yuri Kondratyuk Poltava Polytechnic"

EASTERN-ORTHODOX NEOPATRISTICS VS TWENTY CENTURY'S THOMISM: ORIGIN, IDEAS, AUTHENTICITY (A COMPARATIVE STUDY)

The main objective of the present paper is to present a comparative analysis of Eastern-Orthodox Neopatristics versus the twenty century's Thomism, revealing its origin, presenting its main ideas, and discussing its authenticity as a phenomenon within the framework of the Russian Orthodox Church as well as of the Christian world.

1. The primary intention of Eastern-Orthodox Neopatristics was to deliver the Russian Orthodox theological thought from "the Western captivity", and to bring it in full accord with the teaching of Greek Fathers of the Seven Ecumenical Councils. The intention implied at least three ideas: (1) The Russian Orthodox Church is not in a full accord with the Universal Church: therefore, it must be brought back to it. (2) The greatest issue of the Russian Orthodox world (and the source of its major troubles) is the lack of education, and, in particular, the acquaintance with the legacy of the great Fathers of the Eastern Church; therefore, they are Orthodox Christians merely by name, but not by doctrine. (3) The major reason for that is the "Western captivity of Russian thought". So that the Russian Orthodox thought had been in captivity of the Western theology, and must be freed from it in order to get back to the right track of the Eastern Christian Orthodoxy. The "Western captivity" had been thought as an attempt to transfer the Western patterns and models of the Western theology in Russian soil, neglecting the treasures of its own tradition.

2. The ideas of "Neopatristics" and "neopatristic synthesis" was first formulated by Fr. Georges Florovsky, who (after his escape from Bolshevik Russia) enjoyed a great popularity in the West, and formulated his ideas in the Western world, first in the Western Europe, and then in the US. Being born in Odessa, and formed – during his Russian years – as a professional historian, he became known in the West mostly as an Orthodox theologian. Having pronounced his famous "Forward, to the Fathers!", de facto, his ideas denied acknowledging the presence of any sound Orthodox theology in the Russian Orthodox world. Therefore, he stated the task to create the new "up-to-date" Eastern-Orthodox theology.

3. Doubtlessly, these ideas originated not without a certain western influence, and it is probable that the very idea of "Neopatristics" has its direct correlate in the twenty century's (Neo-)Thomism.

4. However, even a brief comparative examination of Neopatristics and the twenty-century's Thomism reveal both the similarities as well as differences between these two fundamental approaches to Christian theology. Most similarities as well as differences can be explained by a number of historical, cultural, and confessional features, which produce a number of convergence as well as divergence points.

5. The major difference between these two traditions of Christian thought – Neopatristics and Thomism – consists in the exclusivist character of the former and inclusive character of the latter, which produce two different approaches to a full range of theological topics and issues.

Bibliography:

Cessario, R. 2003. *A short history of Thomism* [Tomismoe e i tomisti. English], Milan: Editoriale Jaca Book Spa.

Florovsky, G. 1974. *Collected Works of Father Georges Florovsky*. Vol. 2: *Christianity and Culture*, Belmont Mass.: Norland Publishing Company.

Florovsky, G. 1979. *Collected Works of Father Georges Florovsky*. Vol. 5: *Ways of Russian Theology. Part 1*, Belmont Mass.: Norland Publishing Company.

Florovsky, G. 1979. *Collected Works of Father Georges Florovsky*. Vol. 6: *Ways of Russian Theology. Part 2*, Belmont Mass.: Norland Publishing Company.

Gavrilyuk, P.L. 2014. *Georges Florovsky and the Russian Religious Renaissance*, Oxford: Oxford UP.

Gilson, E. 2002. *Thomism: the philosophy of Thomas Aquinas* [a translation of *Le Thomisme*, sixth and final edition by Laurence K.], Toronto: Shook and Armand Maurer.

Kerr, F. 2002. *After Aquinas: versions of Thomism*, Blackwell Publishing Ltd.

Lossky, V. 1978. *Orthodox Theology*, tr. by Ian and Ihita Kesarcodi-Watson. Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press.

Maritain, J. 1914. *La philosophie bergsonienne: études critiques*, Marcel Rivière et Cie.

Maritain, J. 1922. *Antimoderne*, Éditions de la Revue des Jeunes.

Maritain, J. 1925. *Trois Réformateurs: Luther, Descartes, Rousseau*, Librairie Plon.

Maritain, J. 1929. *Three Reformers: Luther, Descartes, Rousseau*, New York: Charles Scribner's Sons.

Maritain, J. 1932. *Distinguer pour unir: ou, les degrés du savoir*, Paris : Desclée de Brouwer.

Maritain, J. 1955. *Bergsonian Philosophy and Thomism*, New York: Philosophical Library.

Maritain, J. 1959. *Distinguish to Unite: or, The Degrees of Knowledge*, tr. under the supervision of G.B. Phelan, New York: Charles Scribner's Sons.

McCool, G.A. 1989. *From Unity to Pluralism: the Internal Evolution of Thomism*, New York: Fordham University Press, 1989.

Nesteruk, A.V. 2003. *Light from the East. Theology, Science, and the Eastern Orthodox Tradition*, Minneapolis: Augsburg Fortress.

Staniloae, D. 1980. *Theology and the Church*, tr. by Robert Barringer; Foreword by John Meyendorff, Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press.

Софиология и неопатристический синтез: два богословских итога философского развития: Сборник научных статей. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2013.

Iveta Leitane

University of Latvia; Bonn University

THE USE OF MAIMONIDES IN “NEO-PATRISTIC SYNTHESIS”

Maimonides was one of the main authors who inspired Eckart’s thought since his early works. Vladimir Lossky in his Thesis written under the guidance of Gilson could not ignore this fact and therefore mentioned Maimonides a number of times. Since then the popularity of Aquinas (as the favorite thinker of Gilson) in the (academic) West diminished whereas the popularity of Eckhart has considerably increased. The aim of my paper is to present the way Maimonides was received by the neo-patristic Thought against the backdrop of recent discussions about the reception of Maimonides in Eckhart first and to challenge this change in popularity of a Thinker favored by neo-patristics in the West second. Thereby I am going to delineate the framework of this reception more precisely and – on this basis – also point out some problematic issues connected with this enthusiasm about Eckhart in the West.

Walter Sisto

D’Youville University

BULGAKOV AND A SOPHIOLOGICAL APPROACH TO MODERATE AND RADICAL CYBORG ENHANCEMENTS

For Sergius Bulgakov, the neo-patristic synthesis proffered by his contemporaries was a form of escapism and a theological dead-end. It does not seek to engage and Christianize the world in which we live. What Bulgakov offered instead was what he believed to be an authentic development of St. Gregory Palamas’ teachings on God’s essence and energies, Sophiology. The relationship between God’s essence and God’s energies or to use Bulgakov terminology, divine and creaturely Sophia provided him with a means to explore and explicate Orthodox dogmatic theology. For Sergius Bulgakov, sophiology was “not putting forward new dogma” but rather his attempt to better engage and evangelize the world in which he lived. Sophiology “represents a theological or, if you prefer, a dogmatic, interpretation of the world (*Weltanschauung*) within Christianity.” The result is a systematic theological masterpiece that provides ample room to dialogue with modern science.

The medical sciences, in particular, have raised a host of theological and anthropological issues with pursuits of cyborg-related technology. In the popular Polish-made video game *CyberPunk 2077*, offers a cautionary tale of the ethical dilemmas posed by these medical technologies. For example, the protagonist V navigates a “post-human” society where cyberware (artificial technology graphed on the nervous system) and bioware (enhancing the biological functions) are the norm. Human and machine exist in a symbiosis and upgrading cyberware and bioware is as common as upgrading a cell phone today.

Today, in fact, corporations such as Neuralink, which is owned by Elon Musk, a committed transhumanist and actor in the *CyberPunk 2077*, are developing brain augmentation technologies to enhance brain function and allow people “with paralysis to regain independence.” Musk in a recent interview remarked that only after playing *CyberPunk 2077* game, did he recognize that his technology may lead to the problems highlighted in the video game. Musk correctly realized that science fiction may provide a cautionary tale of the future as cyborg and biotechnologies are become more common place.

Historical theology provides a well-spring of ideas and wisdom that may help answer these questions. One important theological system that is receiving renewed interest, particularly in the Western Hemisphere, is the Sophiology of Sergius Bulgakov. Bulgakov, who celebrates his one-hundred and fiftieth anniversary in 2021, may seem like an odd choice to bring into conversation with cyborg technologies. After all, there is no evidence that he considered the cyborg technology, and, moreover, he is a foundational theologian interested in explicating the tenets of Orthodox theology that rarely engages medical ethics. However, it is precisely his attention to foundational theology and Christian anthropology that make his thought relevant to this contemporary discussion because he provides tools to help navigate this complex topic. Bulgakov’s sophiology provides a positive evaluation of cyborg technologies that are based in orthodox Christian dogmatic theology. In this paper, I outline his thought and method to indicate that many cyborg technologies are acceptable for therapeutic and enhancement purposes.

Kåre Johan Mjør

Western Norway University of Applied Sciences / University of Bergen

THE CONCEPT OF CREATIVITY IN GEORGES FLOROVSKY’S THOUGHT

The paper discusses the meanings of “creativity” – *tvorchestvo* – as we encounter it Georges Florovsky’s thought, first and foremost in his *magnum opus* *Ways of Russian Theology* (1937). *Tvorchestvo* had by this time become a key concept in Russian pre-revolutionary and émigré thought. It is associated above all with Nikolai Berdiaev’s philosophy, but it plays also an important role in Sergei Bulgakov’s philosophy of economy. In both cases, it describes the human response to divine creation. Moreover, and somewhat less famously, it was also an epistemological concept – in the religious idealism of Vladimir Solovyov as well as in Russian neo-Kantianism (Fedor Stepun), where it refers to an active, synthetic faculty of our minds. Florovsky, meanwhile, used it as a description of how we should relate to the patristic heritage, but also to history more generally: our attitude should be “creative,” active and forward-looking. Such a “return to the Fathers” was a central element in the neopatristic program of Florovsky, but, interestingly, in order to conceptualize this return Florovsky actively used a concept originating from traditions that his own approach otherwise firmly criticized. By analyzing Florovsky’s use of *tvorchestvo*, this paper addresses the broader question as to the differences and parallels between the neopatristic movement and the legacy of the Silver Age.

Bibliography:

PRIMARY SOURCE:

Florovskii, Georgii P. 1937. *Puti russkogo bogosloviia*, Paris: YMCA Press.

SELECTED SECONDARY SOURCES:

Gallaher, Brandon. 2011. "Waiting for the Barbarians": *Identity and Polemicism in the Neo-Patristic Synthesis of Georges Florovsky*", *Modern Theology* 27(4): 559–691.

Gavrilyuk, Paul L. 2014. *Georges Florovsky and the Russian Religious Renaissance*, Oxford: Oxford University Press.

Mjør, Kåre Johan. 2011. *Reformulating Russia: The Cultural and Intellectual Historiography of Russian First-Wave Émigré Writers*, Leiden & Boston: Brill.

Tatiana Rezvykh

Moscow

ПЕРЕПИСКА О. Г. ФЛОРОВСКОГО С Н.А. БЕРДЯЕВЫМ

В докладе будут представлены письма прот. Георгия Флоровского Н.А. Бердяеву, хранящиеся в фонде Бердяева РГАЛИ.

Pavliuchenkov Nikolai

Moscow

В.Н. ЛОССКИЙ И БОГОСЛОВИЕ ВСЕЕДИНСТВА В XX В.

Богословская система В.Н. Лосского создавалась в процессе его полемики с софиологией прот. С. Булгакова и под несомненным влиянием работ прот. Г. Флоровского. При этом, в отличие от Е. Трубецкого, ни прот. Г. Флоровский, ни В. Лосский, конечно, не стремились ни «очищать», ни развивать содержащиеся в трудах Соловьева и Булгакова идеи всеединства, но объективно способствовали тому, что пока осторожно (до специальных исследований) и особенно применительно к В. Лосскому может быть названо обновлением православного богословия на основе учета запросов религиозной мысли, находящейся в рамках парадигмы всеединства.

Созданная В. Лосским метафизическая концепция не может быть отнесена к какому-либо варианту метафизики всеединства. С той же аргументацией, что была у Е. Трубецкого и Г. Флоровского, здесь обосновано христианское понимание творения «из ничего» и абсолютная иноприродность Бога миру. С помощью святоотеческого различения в Боге сущно-

сти и энергий В. Лосский представил учение об обожении, согласно которому пожелавшая соединиться с Богом тварь будет едина между собой и едина с Богом при сохранении означенной выше иноприродности. Последняя сохраняется, но так, как (по образу, взятому из патристики) сохраняется в огне естество железа, раскаленного от огня и, в этом смысле, по всем своим свойствам уже самого ставшего огнем.

Вместе с тем, В. Лосский очень существенно акцентировал учение о «микрокосмическом» значении человека, перейдя, таким образом, от учения об обожении человека (многоединого человечества в Церкви) к учению об обожении (через человека) всей твари. И то, как В. Лосский концентрирует внимание на «энергетическом» аспекте обожения, может провоцировать выводы о том, что, во-первых, обожение как-то закономерно «переходит» от обоженого человеческого естества на все естество твари и, во-вторых, вся тварь обоживается точно также, как и человек, т.е. становится в онтологическом смысле причастницей, носительницей нетварного Божественного Света, а не только «освещается» им от человека, ставшего для твари его источником. В этой связи грань, отделяющая такую метафизику от учения о конечном всеединстве, становится достаточно тонкой и легко преодолимой, например, принятием учения об апокатастасисе, невозможность которого в трудах В. Лосского признается, но не подтверждается никакими специальными исследованиями.

Konstantin Matsan

Moscow

В.Н. ЛОССКИЙ И В.В. ЗЕНЬКОВСКИЙ: ДВА ПЕРСОНАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПАТРИСТИКИ

Философско-богословскую систему В.Н. Лосского принято характеризовать как «православный персонализм». В отношении построений протопресвитера В.В. Зеньковского традиции такого наименования нет, однако его система так же представляет собой философский персонализм, связанный с восточно-христианским богословием. На этом фоне концепции двух авторов могут быть сопоставлены. Оба мыслителя обращаются к патристическому наследию, однако в разных контекстах. В.Н. Лосский опирается на святоотеческие богословские положения и в их свете выстраивает систему антропологии. В.В. Зеньковский, так же разрабатывая метафизику человека, стремится соотнести положения догматического богословия с философской психологией. С одними и теми же персоналистскими концептами – «личность», «индивидуальность», «природа» – два мыслителя работают по-разному. Лосский подчеркнуто различает понятия «личность» и «индивидуальность», Зеньковский – сближает. В персонализме Лосского «личность» и «природа» противопоставлены, в персонализме Зеньковского – введены в неразрывные отношения. На этом фоне следует рассмотреть критику персонализма как философско-богословской парадигмы. В работе Ж.-К. Ларше *Personne*

et Nature такая критика направлена в адрес митрополита Иоанна (Зизиуласа) и Христа Яннараса, но косвенно переносится и на построения В. Лосского как их предшественника. Ларше указывает на зависимость построений греческих авторов от экзистенциальной философии (Н. Бердяев, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр) и критикует эти основания персоналистского богословия как чисто философские. В этом контексте система Зеньковского – как несвязанная напрямую с экзистенциальной философией (несмотря на хорошее знакомство мыслителя с этой традицией) – представляет собой вариант учения о личности, менее уязвимый для критики, направленной в адрес персонализма экзистенциально-богословского типа. На примере В.Н. Лосского и В.В. Зеньковского можно говорить о двух вариантах «православного персонализма» в истории русской религиозной мысли XX века.

Библиография:

1. Зеньковский В.В. Принцип индивидуальности в психологии и педагогике, Вопросы философии и психологии. 1911. № 108. С. 369–393.
2. Зеньковский В.В. Принципы православной антропологии, в Собрание сочинений. Т. 4. М.: Русский путь, 2011. С. 469–507.
3. Зеньковский В.В. Судьба халкидонских определений, Православная мысль, № 9, 1953.
4. Лосский В.Н. Богословское понятие человеческой личности, Богословские труды. 1975. № 14. С. 113–120.
5. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви, Москва 1991.
6. Лосский В.Н. Догматическое богословие, Москва 1991.
7. Larchet, Jean-Claude. *Personne et Nature*, Paris, 2011.

Elena Tverdislova

Jerusalem City Russian Library

МИРРА ЛОТ-БОРОДИНА: ФРАНЦУЗСКАЯ ПАТРИСТИКА РУССКОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬНИЦЫ

Фигура Мирры Лот-Бородиной стала известна нашему современнику благодаря книге Терезы Оболевич, у которой она последовательно рассматривает ее творчество по тем направлениям, в которых она предстает как: историк – литератор – философ – богослов. На сегодняшний день эта книга дает самое полное представление о жизни и творчестве исследовательницы (Библиогр. 1).

Несмотря на то, что фактически Мирра Лот-Бородина была открыта более, чем сто лет спустя после своего рождения (1882 год, Россия), она именно в наше время может

быть по-настоящему оценена в силу своих разносторонних дарований. (Скончалась она в 1957 г. во Франции.)

Её первоначальные интересы – от древнегреческой мифологии к средневековой французской литературе, рыцарскому эпосу, идиллическому роману, блестящим переводам со старофранцузского языка, относятся к ее французскому периоду, который был начат в 1906 году, когда она поступила в Высшую школу практических исследований при Сорбонне, где защитила докторскую диссертацию. Во многом ей повезло – она приехала во Францию учиться, здесь вышла замуж и осталась, избежав участи эмигрантки, но органично вошла в круг новой русской эмиграции. В целом ее научная карьера складывалась удачно, а если учесть, что к этому времени она стала женой и матерью, так просто блестяще. Оторванная от родной стихии, она не могла не тосковать по ней, отсюда ее тяга к православию и, до некоторой степени, его истокам – учениям Святых Отцов, которыми начала профессионально заниматься, подхватив призыв Г. Флоровского – вернуться к отцам Церкви.

Патристикой она интересовалась едва ли не с первых дней пребывания во Франции, сосредоточившись впоследствии на теме обожения в плане сближения и расхождения её с доктриной созерцания в Средние века, которая в итоге стала для неё «королевской дорогой» (*via regis*); здесь нашли отражение ее изыскания о «слезном даре» и др. Итоговой работой ее патристических штудий можно считать труды о Николае Кавасиле (1322–1397/1398) – византийском монахе, православном богослове и литургисте.

Библиография:

1. Тереза Оболевич. Мирра Лот-Бородина. Историк, литератор, философ, богослов, Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020.
2. Lot-Borodine M. *Doctrine de la Grâce et de la Liberté*, Oecumenica, 6/2 (1939).
3. Lot-Borodine M. *Une maître de la spiritualité byzantine au XIV siècle Nicolas Cabasilas*, Paris 1958.
4. Nicholas Cabasilas, в *Encyclopaedia Britannica*.
5. Николай Кавасила. Христос, Церковь, Богородица, Москва: Издательство храма святой мученицы Татианы, 2002.
6. Флоровский Г.В. Восточные отцы IV века, Париж, 1931 (Москва, 1992).
7. Творения св. отцов. Москва, 1843.
8. Библиотека творений св. отцов и учителей церкви западных, Киев, 1879.
9. А.А. Столяров, Новая философская энциклопедия: в 4 т., Москва: Мысль, 2010.
10. Schneider K. *Geistesgeschichte des antiken Christentums*, Bd. 1–2. München, 1954.
11. G.W.H. Lampe. *A Patristic Greek Lexicon*, Oxford, 1961.
12. Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие, Нью-Йорк, 1985 (Вильнюс – Москва 1992 и др.), пер. с англ. Ларисы Волохонской.

**ДВОЙСТВЕННОСТЬ «СВЯЩЕННОГО» В КЛАССИЧЕСКОЙ ЗАПАДНОЙ
ФЕНОМЕНОЛОГИИ РЕЛИГИИ И АНАЛИЗ «ПЕРЕЖИВАНИЯ БОГА»
В ФИЛОСОФИИ РЕЛИГИИ В. СОЛОВЬЕВА**

Феноменология религии, как известно, является, с одной стороны, направлением философии религии, с другой стороны, религиоведения. За 100-летний период своего существования эта наука в лице многих выдающихся исследователей, избравших феноменологический подход к изучению религий, представила миру результаты, которые можно назвать важными и значимыми для апологетики христианства.

Хотя, по мнению М. Пылаева, в феноменологии религии возник синкретизм взаимопротиворечивых методологических установок из истории религий, философии и теологии [1, с. 30], тем не менее, эта наука в своем классическом варианте осознавала себя ничем иным, как «служанкой богословия» в XX в. У истоков классической феноменологии религии стояли, прежде всего, богословы (правда, не православные, и не католические, а либеральные, т.е. протестанты), но благодаря именно их исследованиям на Западе в первой половине XX века в религиоведении, которое, возникнув как наука в 60-е годы XIX века, сначала противопоставляло себя богословию, появился перелом, и оно стало разворачиваться в сторону богословия). Среди феноменологов религии на протестантском западе Р. Отто, Герардус ван дер Леув, И. Вах считаются классиками. В русской религиозной философии мыслители, занимавшиеся исследованием религии аналогично западным феноменологам религии, это, прежде всего, В.С. Соловьев, С.Н. Трубецкой, свящ. Сергей Булгаков, свящ. Павел Флоренский, И.А. Ильин, С. Франк, А.Ф. Лосев.

Р. Отто своим знаменитым *Das Heilige* («Святое»), выход в свет которого произошел в 1917 году, по мнению М. Пылаева, собственно, и положил начало появлению западной феноменологии религии [1, с. 13]. Р. Отто понимал религию как «переживание тайны, не той тайны, которая существовала бы только для непосвященного и была бы ясна адепту, но ощутимой тайны всего существования во времени как целой вечной реальности, прорывающейся сквозь завесу временного существования к незапертому сердцу» [2, с. 75]. Р. Отто принял попытку проникнуть в эту «целую вечную реальность», в это *Ganz Anderes* – Иное, иррациональное, непередаваемое в понятиях человеческого языка.

Подчеркивая, что мы можем судить лишь о том, что чувствует любой человек при встрече со Святым, и ничего – о нем самом, Р. Отто предложил провести феноменологическое очищение человеческого восприятия Святого от рационального и нравственного элементов, чтобы достичь некой доопытной, т.е. априорной, основы этого чувства. Эту априорную основу он назвал категорией «нуминозное» и считал соответственно именно нуминозный опыт осно-

вой всякого религиозного опыта независимо от религиозной традиции. Опыт встречи с нуменозным всегда иррационален и всегда двойственен: с одной стороны, в нем содержится элемент потрясающей тайны – так называемое *mysterium tremendum*, которое очень разнообразно – оно «может пронизывать душу мягким потоком в форме успокаивающе парящей погруженности в молитву (...) способно приводить к странному волнению, упоению, восторгу и экстазу (...) может повергать в какой-то почти призрачный ужас и дрожь (...) может стать тихим, смиренным содроганием и онемением твари перед (...) тем, что в несказанной тайне возвышается над всяким творением [3, с. 22]. С другой стороны, в момент встречи с нуменозным человек испытывает одновременно чувство сильного притяжения к нему или очарования (*mysterium fascinans*), ибо нуменозное также «увлекает, пленяет, странно восхищает, нередко выступает как опьяняющее и упоительное» [3, с. 59].

Вслед за Р. Отто двойственность восприятия человеком Святого утверждал Г. Ван дер Леув, известный своей феноменологической классификацией, в которой он выделил 12 типовых форм религии, определенных им по реакции человека на встречу с запредельной реальностью. Г. Ван дер Леув утверждал, что амбивалентный характер «Святого» заключается в том, что оно, с одной стороны, вызывает страх, ужас, чувство униженности, а, с другой стороны, порождает любовь, восторг и экстаз [4, с. 425], однако, в отличие от Р. Отто, он настаивал, что религиозный опыт включает не только это двойственное чувство, в нем есть еще и «ответная реакция человека, его положительный или отрицательный отклик», помогающий ему самому понять смысл встречи со Святым [5, с. 86].

Чикагский феноменолог религии И. Вах (1898–1955), имеющий корни в немецкой феноменологической традиции, и многое взявший из идей Ф. Хайлера, перенял также у Р. Отто модель восприятия Святого. В своем труде Сравнительное изучение религий он использовал понятие «Предельная Реальность» (*Ultimate Reality*) и, подобно Р. Отто, указывал, что при встрече с ней у человека возникает двойственное чувство: благоговейный трепет, смешанный с ужасом (*tremendum*) и притягательное очарование и блаженство (*fascinatum*) [6, р. 46–49]. В отличие от Р. Отто и подобно Г. ван дер Леуву, И. Вах дополнил описание восприятия двойственного чувства, которое возникает у человека во время встречи со Святым, ситуацией диалога, ситуацией «точки соприкосновения» со Святым, которая входит, по его мнению, в число первичных аспектов религии [7, с. 322]. Именно в этой точке соприкосновения постигаемое умом (ноумен) становится доступно постижению чувством, т.е. становится феноменом.

Таким образом, хотя Г. ван дер Леув и И. Вах переняли идею нуменозного опыта в описании Р. Отто, но трактовали его не так как Отто. У Ваха, как и у Герардуса Ван дер Леува, появляется понимание того, что Бог не только «совершенно иной», что он обращен к человеку, «делает ему серьезные предложения или бросает вызовы» [5, с. 103], либо находится в некой ситуации диалога, однако дальше этого понимания оба религиоведа-протестанта не пошли.

Интересно, что после открытия двойственности восприятия человеком Бога в феноменологии религии на западе, как замечает М. Пылаев [1, с. 72], многие лингвисты стали исследовать понятия святое и священное в языках. Среди этих исследований заслуживают внимания лингвистические комментарии Э. Бенвениста по поводу выделенного Р. Отто двойственного контрастного чувства, которое возникает у человека при встрече со Святым. Э. Бенвенист пишет: «Изучая обозначения «священного», мы обнаруживаем необычайную лингвистическую ситуацию – отсутствие особого термина в общеиндоевропейском языке и одновременно двойное обозначение во многих отдельных языках (иранских, латыни, греческом)» [8, с. 343].

Поразительный факт: «почти повсеместно значение «священного» выражено не одним, а двумя различными словами», например, *weihs* – *hailag* в германском, *sacer* – *sanctus* в латинском, *ιερός* (священный) и *Αγιος* (святой) – в греческом [8, с. 346], причем, по наблюдениям Э. Бенвениста, именно в латинском языке наиболее отчетливо обнаруживается двойственность священного, «различие между профанным и сакральным» – то есть, того, что с одной стороны, посвящено богам, с другой стороны, отмечено «неистребимой запятнанностью, величественное и проклятое, достойное почитания и вызывающее ужас» [8, с. 348].

По всей видимости, двойственность в восприятии священного в иранских и европейских языках, отмеченная Э. Бенвенистом, связана с политеистическим, языческим религиозным сознанием.

А вот какие интерпретации мы находим у В. Соловьева, этого «русского Оригена XIX века», катехизатора русских интеллигентов XIX в. и «христианствующего философа», как называл его А.А. Никольский [9], а также феноменолога религии, который задолго до появления на западе феноменологии в философии и феноменологии религии в религиоведении, фактически применял феноменологический подход в своих философских интерпретациях религии и религиозного опыта, а также в своей гносеологии (учении о познании), которое было изложено им в «Теоретической философии». В раннем сочинении В. Соловьева *Духовные основы жизни* находится феноменологическое описание переживания Бога человеком. Интересно, что В. Соловьев использовал для этого описания, подобно Р. Отто, Герардусу ван дер Леуву и И. Ваху, понятия «страх» и «благоговение», но, во-первых, он применял их несколько иначе, чем западные феноменологи религии будут это делать в XX веке, а, во-вторых, он обращался не только к этим понятиям, чтобы передать в словах встречу человека с Богом.

В. Соловьев использовал понятия страх и благоговение для характеристики разных состояний (этапов) становления религиозного сознания человека, его понимания Бога и соответствующего этому пониманию культа и жертвы, приносимой Богу, то есть в историческом контексте развития религиозного сознания.

Страх В. Соловьев определяет первым религиозным чувством человека. Это страх «порождаемый богами, это «первое представление Божества – невидимый скрытый огонь, сила всепожирающая, могущая все превратить в хаос» [10, с. 53]. Религиозное переживание

жертвы является следствием того, как именно человек верит в Бога, как его воспринимает, а с характером жертвы связана и сама религия: «Верующий всегда отдается предмету своей веры, и религия всегда основана на жертве», – пишет философ. От того, как «человек понимает себя и своего Бога», зависит и свойство жертвы [Там же]. На первой ступени (т.е. на ступени «натуральной», естественной религии) переживанию Бога как пожирающего огня и подавляющей силы соответствуют кровавые жертвы как основа культа. Такое Божество не может не вызвать у человека страх [10, с. 97].

Но кроме страха, испытываемого человеком в языческих культах, есть и другой страх, который человек ощущает при встрече со Святым. Причина же этого страха объясняется В. Соловьевым так: «доколе человек живет вне Бога, доколе злые и темные страсти господствуют над ним. И доселе для сознающего свое несовершенство человека начало премудрости есть страх Божий и люди, даже соединенные с Богом лучшей частью своей души, должны принести в жертву худшую ее часть» [10, с. 53]. Страх Божий связан с покаянным переживанием.

В. Соловьев описывает изменение религиозного сознания человека в переживании Бога, которое происходит на второй ступени религиозного развития: когда страх сменяется чувством благоговения и переходит в удивление. Такое чувство означает переживание Бога как разумного света, открывающегося в мирном созерцании «всемирной красоты (космоса)», в тихом пении, стройной музыке: «здесь Божеству посвящается не жизнь плоти, а жизнь ума», пишет В. Соловьев, здесь кровавые жертвы «заменяются чистым созерцательным аскетизмом» [10, с. 54].

Но на этом религиозный человек не останавливается, пишет философ. Он всем существом своим хочет раскрыться для живого соединения с Божеством, а т.к. глубочайшей сущностью человека является «его нравственная свобода или воля, и соединиться существенно с Богом значит для человека свободно отдать ему волю свою», то это желание совершается в молитве, в которой все сосредоточено на решении «да будет воля Твоя». Сравним, что у Г. ван дер Леува и в описании И. Ваха этот момент абстрагируется в ситуацию «предложения или вызова» или в ситуацию диалога, ситуацию «точки соприкосновения» со Святым.

Далее можно увидеть еще одно отличие переживания Бога человеком, которое описывает В. Соловьев, от двойственного оттовского *mysterium tremendum* – *mysterium fascinans*. Философ указывает, что желание человека отдать Богу свою волю соответствует такому развитию религиозного чувства, когда благоговение в восприятии Бога переходит в любовь, когда «сила Божия открывается в духе благодати и любви, и культ состоит из духовной жертвы и свободного сочетания человеческой воли с волей Божественной в чистой молитве» [10, с. 54]. Как мы отмечали, понятие «любовь» не применяется Р. Отто и И. Вахом в описании двойственности «нуминозного», а в описании Г. ван дер Леува дано в совокупности с двумя другими понятиями: восторг и экстаз.

В. Соловьев, наконец, также пишет, что, исполненный чувством благодати и любви к Богу, человек, поднявшийся «на вершину чистой религии», просветленный и обновленный, не мо-

жет не «вступить в новую религиозную связь с людьми» [10, с. 55], испытывая к ним совершенную любовь, которая «видимым образом, прежде всего, выражается в благотворении или милостыне» – в том, что выражается в словах Христа: «Милости хочу, а не жертвы», т.е., поясняет философ: «хочу не брать у ближнего, а давать ему, не жить за счет другого, а чтобы другой жил на счет меня» [Там же]. Такое переживание Бога, согласно В.С. Соловьеву, приводит к тому, что, будучи нравственно соединен с Богом, человек начинает относиться к людям «по-Божии»: «Отдавай, кому не должен, и не требуй с того, кто тебе должен. Так с нами поступают вышние силы, так и мы должны поступать между собою» [Там же].

Как мы видим, феноменологическое описание переживания Бога человеком, описанное В. Соловьевым в *Духовных основах жизни*, кардинально отличается от предлагаемого двойственного восприятия Святого, которое разработали протестанты – феноменологи религии, и которое, как считал Р. Отто, можно найти в каждой религии. При сходстве использования В. Соловьевым понятий «страх» и «благоговение», принципиальное отличие в их использовании таково, что, согласно логике философа, двойственное восприятие Святого появляется именно у тех людей, которые живут вне Бога. Во-вторых, в феноменологической модели восприятия Священного Р. Отто и его последователей в отличие от В. Соловьева нет представления о любви и благодати, нет представления о том, что встреча со Святым, которое они избегают называть словом Бог, вызывает у человека совершенную любовь к ближним, желание бескорыстно творить им добро.

Библиография:

1. Пылаев М. *Западная феноменология религии*, Москва, 2006.
2. Otto R. *Kantisch-Fries'sche religionsphilosophie und ihre anwendung auf die Theologie: zur einleitung in die glaubenslehre fur Studenten der Theologie*, Tübingen, 1909.
3. Отто Р. *Священное*, Санкт-Петербург, 2008.
4. *Религиоведение*, ред. М.М. Шахнович, Москва: Питер, 2006.
5. Василенко Л.И. *Введение в философию религии*, Москва: ПСТГУ, 2009.
6. Wach J. *The Comparative Study of Religions*, New York, 1958.
7. Самарина Т.С. Иоахим Вах и феноменологическая традиция в религиоведении, *Богословский вестник*. 2021. № 2 (41). С. 313–328.
8. Бенвенист Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов*, пер. с фр., ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова, Москва: Прогресс-Универс, 1995.
9. Никольский А.А. *Русский Ориген XIX в. Владимир Соловьев*, Санкт-Петербург: Наука, 2000.
10. Соловьев В. *Духовные основы жизни*, Bruxelles, 1953.

Oleg Marchenko

Moscow

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ГРУППА «ПУТЬ» И ИДЕЯ НЕОПАТРИСТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА

Мыслители, входящие в религиозно-философскую группу «Путь», были как раз теми российскими интеллектуалами, для которых работа с ресурсами святоотеческого наследия определяла необходимость и возможность новых начал в философии. Не последнюю роль в этих поисках играл критический настрой к установкам новоевропейских мыслителей. На этом пути и возникает идея неопатристического синтеза. В докладе пойдет речь главным образом о размышлениях Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, В.Ф. Эрнэ, Г.В. Флоровского.

Библиография:

Марченко О.В. Очерки по истории философии, Москва, 2002.

Марченко О.В. Григорий Сковорода и русская философская мысль XIX–XX вв., Москва, 2007.

Марченко О.В. О Владимире Эрне, софиологии и неопатристическом синтезе, в Софиология и неопатристический синтез: богословские итоги философского развития, Москва: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 33–43.

Vladimir Chernus

Moscow

АРИСТОКРАТИЯ ДУХА: ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ СВЯТЫХ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Причина «кризиса культуры» является отказ культуры от «трансцендентных оснований» и попытка становления на основании имманентных сил. Культура отказывается от Логоса, пытается сделать рацию своим основанием, но хаос подвергает её энтропии. В самой культуре существует возможность подвергнуть рациональному сомнению сначала свои трансцендентные основания, а затем и свою собственную ценность.

Сознание, будучи формой не имеет онтологического содержания. Поэтому ему свойственно наделять квазирелигиозной ценностью что-то в мире объектов, стремясь заполнить этой ценностью вакуум содержания. Это приводит к делегации власти над собой и потере свободы воли.

Становление на путь к божественному Логосу требует духовных усилий: изменение предмета направленности сознания, с феноменального мира на ноуменальный, с внешнего, на внутренний.

По мнению Г.П. Федотова: «На заре своего бытия древняя Русь предпочла путь святости пути культуры» (1, с. 179). В своей книге Г.П. Федотов показывает, что русская святость зарождается после принятия крещения, достигает своего пика в XIV–XV веках, но потом постепенно идёт на убыль. Реформы Петра I окончательно присоединяют церковь к государству и последующая эпоха вплоть до русской революции – время духовного остывания России. Святой постигает Бога не посредством рациональных размышлений, философских конструкций, а в духовной жизни, которая включает в себя пост и труд (1, с. 214).

История святых Древней Руси – это история смещения предмета интенциональности сознания с внутреннего мира на внешний, с невидимого – на видимый.

Начиная с XV века происходит с одной стороны – процесс угасания святости, с другой стороны, аристократия всё меньше и меньше играет роль в управлении государством. К сожалению, Г.П. Федотов в своих статьях не даёт объяснения причин падения русской святости. Внешние исторические события, связанные с церковью, не объясняют, почему индивидуальное сознание перестало стремиться к Логосу.

Большинство святых Древней Руси имели аристократическое происхождение. По мере угасания русской святости начинается процесс утери политической власти аристократией. Внешне эти два события никак не связаны между собой. Но если рассматривать путь сознания к Логосу как путь освоения власти над своими помыслами, страстями и телом (Иисус говорил как власть имеющий), то становится очевидным, что по мере угасания духа, аристократия, из среды которой выходили святые, теряет власть и политическую, хотя этот процесс растянулся на несколько столетий.

Библиография:

1. Федотов Г.П. Святые Древней Руси, Москва, 2003.
2. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции, в Судьба и грехи России, Т. 1. Москва, 1991.
3. Федотов Г.П. Революция идёт, в Судьба и грехи России, Т. 1. Москва, 1991.
4. Флоровский Г.П. Пути русского богословия, Минск, 2006.
- Эрн В.Ф. Борьба за Логос, в На пути к логизму, Москва, 1991.
5. Эрн В.Ф. Борьба за Логос, в Нечто о Логосе, русской философии и научности (по поводу нового философского журнала «Логос»), Москва, 1991.
6. Эрн В.Ф. Культурное непонимание (Ответ С.Л. Франку), Москва, 1991.

Aleksandra Berdnikova

Moscow

**ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО БЫТИЯ БОГА: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ
С.Л. ФРАНКОМ СВЯТООТЕЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ¹**

В докладе планируется проанализировать идейный контекст обращения С.Л. Франка к проблеме онтологического доказательства бытия Бога через идеи платонизма, неоплатонизма, Бл. Августина, Б. Спинозы, Р. Декарта, Н. Мальбранша, а также в рамках переосмысления им идейного наследия Святых Отцов (Климента Александрийского, Афанасия Великого, Василия Великого, св. Григория Богослова, св. Григория Нисского и др.) и представителей духовно-академической мысли в России (В.И. Несмелова, М.Н. Ершова). Особый акцент в докладе планируется сделать на идейной эволюции представлений Франка об онтологическом доказательстве бытия Бога в его ранних работах (вплоть до Предмета знания, 1915). Кроме того, в докладе планируется рассмотреть дальнейшее восприятие и критику интерпретации Франком онтологического аргумента у представителей движения неопатристического синтеза (в частности, у Г.В. Флоровского).

Rev. George Belkind

Venëv

**ПАТРИСТИКА И ПСИХИАТРИЯ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
ИСПОВЕДАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ У АРХИМ. КИПРИАНА (КЕРНА)**

Вышедшее в Париже Православное пастырское служение совершенно заслуженно отнесено к аутентичному канону восточнохристианского Предания, однако – в отличие от иных прославленных сочинений архим. Киприана (Керна), имеющих важное теоретическое значение (в качестве яркого примера назовем его Антропологию св. Григория Паламы, 1950), – книга 1957 года считается трудом практическим, прикладным, адресованным в качестве учебника именно будущим пастырям-семинаристам, а никак не богословам-исследователям.

Внимательное чтение второй части книги («Душепопечение. О значении исповеди вообще») обнаруживает в этом тексте интереснейшую эпистемологическую структуру, обладающую вполне универсальным логическим характером в плане категориальных форм святоотеческой мысли.

1. Публикация подготовлена в рамках проекта «С.Л. Франк между онтологией всеединства и осмыслением бытия человека и общества» при поддержке ПСТГУ и Фонда «Живая традиция».

АРХИМАНДРИТ ЕВФИМИЙ (ВЕНДТ) И ЕГО ФИЛОСОФСКО-БОГОСЛОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Не приходится сомневаться, что великие богатства духовного, культурного и научного наследия Русского Зарубежья еще долго будут открываться и разворачиваться перед нами. В последние (постперестроечные) десятилетия мы воочию наблюдали, как снова и снова приходили и вновь возвращаются на Родину новые имена и новые идеи. Мы проиллюстрируем подобную мысль на примере архимандрита Евфимия (Вендта) (1894–1973).

Его имя отчасти вернулось к нам – вернее, лишь начало возвращаться, только в 1994 году, когда в известном религиозно-философском журнале «Начала», выходящем в Москве, появилась первая статья архимандрита Евфимия. То была републикация едва ли не единственной печатной работы мыслителя, которая вышла, причем незадолго до его кончины, в парижском «Вестнике Русского Христианского Движения» (1971, № 101–102) среди материалов, специально посвященных памяти о. Сергия Булгакова. Републикацию вместе с небольшой биографической справкой подготовила А.А. Тахо-Годи.

В этой сравнительно небольшой, но при этом весьма идейно-плотной и густо-метафорично написанной работе о. Евфимий бросал общий взгляд на софиологическое наследие русской мысли и упоминал три версии «философии имени» в составе этого наследия, от П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова и А.Ф. Лосева. В целом эти трое, подытоживал автор, «перед самой бурей, в предустановление победы над ней, дали Научение Истины», они – «Учители Церкви, представители русской Святоотечности».

Через несколько лет в своей блестящей книге «Лосев» Аза Алибековна, ученица и наследница А.Ф. Лосева немного рассказала о том, как и когда имя о. Евфимия приблизилось и вошло, собственно, в лосевский круг. Отметим, что А.Ф. Лосев, получается, немного знал или, точнее, слышал о деятельности о. Евфимия, но с его трудами вокруг «философии имени» еще напрямую познакомиться не мог.

Недавно, разбирая архив и библиотеку А.Ф. Лосева, мне довелось подержать в руках этот действительно «большой, очень сложный» трактат. Для начала, уже само громкое или даже грозное название его многого стоило: Начертание и наречение решений Отрешенного. Графика и Грамматика Догмата. В двух книгах, Муазне (Франция), 1971, издание автора. Здесь 379 страниц большого формата, плюс громадная последовательность рисунков, весьма изощренных и тщательно исполненных твердой рукой (автор именует их «Атласами», в торжественно-старинном духе). Такое впечатление, что тексты о. Евфимия – это, в самом деле, только подписи к «Атласам», причем далеко не всегда – развернутые. Действительно, «начертания», действительно,

«графика». Вернее, нужно обозначать с необходимой заглавной буквы – Графика. А какими терминами и понятиями уснащены просторы этого текста (тоже с нажимом на прописные буквы, тоже смысловая графика, даже, можно сказать, гравюра!): «Священная Архитектоника», «Видение Праотца Иакова», «Видение Декарта», «Перворисунок Неба», «Бытие – Действие», «София Принадлежности», «Троичная Первооснова», «Таксис Триады», «Лицо во Встрече», «Универс Материи», «Универс Языка», «Схолия Конца», «Жертва Второго Неба»... Поверх обширного текста рассыпаны всяческие диковинные неологизмы, вроде, к примеру, таких: «умыслообраз» (модификация символа), «Триема Триех» (еще одно имя для Св. Троицы), «матемология» (синтез философии и математики), «вечнуюющее» (качественная производная от «вечность»), «средец» (средоточие + средство)... Или вот еще, – неожиданно сразу и языковую игру, и глоссологию, и комбинаторику смыслов встречаем, – в одном из заголовков трактата: «Норов, ровень и внор счастья встречи»... Да, перед нами, действительно, и Язык – существенно новый.

Аза Алибековна весьма сдержанно и даже отрицательно отнеслась к моему предложению, мол, хорошо бы «этим ребусом заняться». И пришлось отложить вопрос изучения Евфимиева «Начертания» в долгий ящик. Многие таковые вопросы остались неразрешенными и даже, получается, толком не поставленными.

Ситуация с оценкой наследия загадочного русского философа и богослова существенно изменилась недавно, когда у архимандрита Евфимия (Вендта) появился очень заинтересованный и верный читатель и почитатель, живущий во Франции: Михаил Богатырев. Этот исследователь, рассказывая об о. Евфимии и его трудах, уже дважды выступал на научных семинарах у нас в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» (08 октября 2015 г., 19 января 2017 г.), а также подготовил недавно ряд книг о нем. К сожалению, изданы работы чрезвычайно малым тиражом.

Теперь мы имеем возможность, прежде всего, с опорой на наблюдения М. Богатырева, сформулировать некоторые особенности философии и богословия архимандрита Евфимия (Вендта) и, попутно, дать общую характеристику этой личности. Данные краткие формулировки носят, конечно, только предварительный или вводный характер.

Автор «Начертания» выступает прямым учеником о. Сергия Булгакова, особенно в его софиологическом учении, и А.Ф. Лосева, буквально следуя многочисленным дистинкциям из «Философии имени» последнего и, в особенности сочувственно, принимая «энергийный» подход Лосева. Кроме того, констатирует М. Богатырев, о. Евфимий вдохновлялся учением о категориях И. Канта и геометрическим (вот откуда «Атласы») подходом к «Миру в целом» у Ю. Гоэнэ-Вронского (1776–1853).

Особенна софиология «Начертания», она в некотором явном смысле гипертрофирована. У архимандрита Евфимия (в отличие от Вл. Соловьева или, скажем, Сергия Булгакова) София предстает не персонифицировано, а в виде всеобщего плана бытия, пребывающего в состоянии непрерывного само-становления и реализации. «Работа наша – утверждает

о. Евфимий – есть работа Конструкции и о Конструкции. В ней на помощь нам приходили три конструктора: Кант, Лосев и Вронский».

Избранный в «Начертании» основной язык – язык графики (сами чертежи – «в них моя претензия, без претензии», признается автор) дополняется еще одним авангардистским, по сути своей, приемом – попыткой вести категориальную игру на уровне фонем, ввести «побуквенные категории». Здесь наблюдается своеобразная сверх-семиотизация слова, о. Евфимий идет «много дальше» Булгакова и Лосева, двигаясь в сторону «фоносемантики» в стиле Велимира Хлебникова. Напомним, что фонемную составляющую слова выставлял на первый план о. Павел Флоренский, автор третьей версии «философии имени».

Наконец, кроме рассмотренного выше трактата о «начертании и наречении» (установлено, что о. Евфимий распространил его в нескольких вручную изготовленных экземпляров), создана и дошла до наших дней еще одна Конструкция о. Евфимия. Конструкция – теперь уже буквально: архимандрит Евфимий спроектировал и собственноручно построил храм во имя иконы Казанской Божьей Матери (в своем приходе в местечке Муазне-ле-Гран, под Парижем), особой архитектуры, воспроизводящий его философию и богословие, можно сказать, сугубо пространственно, стереометрически. Ручной выделки «Начертание» и Храм в Муазне – творческое наследие о. Евфимия Вендта.

Denis Solodukhin

Moscow

«КОНСЕРВАТИВНО-НЕОПАТРИСТИЧЕСКИЙ» ПРОЕКТ АРХИМАНДРИТА ИННОКЕНТИЯ (ПРОСВИРНИНА; 1940–1994)

Архимандрит Иннокентий (Просвирнин; 1940–1994) разрабатывал проект «русской патристики», который может прочитываться как «консервативно-неопатристический». Его суть – миметическое освоение нашей современностью аутентичного духовного опыта православия, прежде всего русских святых и монашества: от древности до второй половины XX века. С этой целью он выдвинул идею своего рода «каталогизации», включавшей как разыскание самих подобных сочинений в столичных и региональных архивах, так в особенности их герменевтическое «понимающее» чтение (М.М. Бахтин) ради релевантного выражения мысли на языке, доступном человеку рубежа тысячелетий.

Одним из направлений проекта стало создание уникальной картотеки источников по русским святым. Для изучения, расшифровывания и выражения опыта он привлекал крупнейших отечественных специалистов, в частности, С.С. Хоружего, и обращался к наследию видных представителей русского учёного монашества, мыслителей и богословов XIX–XX вв., среди

которых были П.А. Флоренский, Макарий (Булгаков) и др. Будучи зампредом Издательского отдела Патриархии, архимандрит способствовал публикации посвящённых исследованию опыта «духовного делания» произведений В.Н. Лосского, Сергия (Страгородского) и др.

Предлагаемый доклад представляет результат исследования, основанного на изучении архивных материалов, специальной литературы и мемориальных свидетельств его сотрудников. В нём рассмотрены основные аспекты и направления указанного проекта, а также личность его автора. Любопытно, что отдельные аспекты проекта перекликаются с некоторыми мыслями Г.-Г. Гадамера, как деятеля школы истории понятий (Begriffsgeschichte).

Rev. Rafał Bulowski, SJ

Jalal-Abad, Kirgizstan Pontifical Oriental Institute

СЕРГЕЙ ХОРУЖИЙ И НОВАЯ РУССКАЯ ШКОЛА: СИНЕРГИЙНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Скончавшийся в 2020 году мыслитель, был одним из современных российских авторов, которого можно охарактеризовать как творческого исследователя как с богословской, так и с философской точки зрения. На основании своей православной идентичности он смело искал не только возможности выражения современного антропологического опыта, но искал тоже возможности объяснения феномена человеческого развития в направлении его полной реализации. Хоружий свободно использовал учения отцов Церкви, а также вклад современной западной философии. В этом смысле его самый важный проект, синергийная антропология, предлагает новую и интересную перспективу в области антропологии.

Daria Chentsova

Moscow

«СИНЕРГИЙНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ИСИХАЗМА» С.С. ХОРУЖЕГО: МЕЖДУ НЕОПАТРИСТИКОЙ И ПУБЛИЧНОЙ ТЕОЛОГИЕЙ

Концепция синергийной антропологии исихазма, сформулированная С.С. Хоружим на стыке прошлого и настоящего веков, будучи более широким, нежели религиозно-философская система, образованием, в настоящее время находит своих идейных последователей как в академической среде, так и за ее пределами.

Синергийная антропология, как синтетическая концепция, инкорпорирует и переосмысляет ряд идей русской философии, включая идеи соборности и всеединства. Идея неопатристи-

ческого синтеза занимает в концепции Хоружего свое место постольку, поскольку идея обращения к «истокам традиции» является характерным элементом дискурса в антропологии исихазма в том виде, в котором ее понимает Сергей Сергеевич. При этом, как установка «Назад к Отцам!», так и в целом логика Флоровского трактуется Хоружим весьма свободно. Размышляя о современном состоянии русской философии, Хоружий отмечает, что она, с одной стороны, не стала следовать тому пути, который был предложен концепцией неопатристического синтеза, с другой же – так и не выработала до сих пор никакого альтернативного пути. В отношении к современной русской философии концепция неопатристического синтеза, по мнению Хоружего, – «недошедшее, неполученное послание», в котором сам Сергей Сергеевич, тем не менее, обнаруживает продуктивные элементы, которые можно применить в ситуации современности. В частности, Хоружий предлагает ввести исихазм «в ядро концепции неопатристического синтеза» и сделать ее таким образом «конструктивной парадигмой», реализуемой на практике. При этом установка на новую, «научную» концепцию православной аскезы, столь характерная для Хоружего, здесь обретает вполне конкретное, хотя и более теоретическое, нежели практическое (но это характерно для всей концепции синергийной антропологии) «духовно-антропологическое» выражение – духовную практику исихазма в ее «неопаламитском» инварианте предлагается учесть в «новом современном понимании неопатристического синтеза». Таким образом неопатристический синтез символически встраивается в концепцию синергийной антропологии, и далее вместе с ней ретранслируется.

Несколько последних десятилетий синергийная антропология посредством деятельности одноименного Института оказывается вовлечена в различные сферы жизни социума, включая публичное пространство, общественно-политический дискурс, вопросы государственно-конфессиональных взаимоотношений и т.п. В докладе речь пойдет о том, каким образом идейный каркас синергийной антропологии экстраполируется в данные сферы, и какое место здесь занимают основные идеи, вокруг которых, собственно, сама синергийная антропология выстраивается Хоружим, его коллегами и преемниками.

Библиография:

Петрунин В.В. Политический исихазм и его традиции в социальной концепции Московского Патриархата, Москва, 2009.

Хоружий С.С. Идея соборности: ее православно-славянофильские истоки и ее перспективы в современном постсекулярном мире: доклад на Международном научном собрании «Соборность и демократия» (Требинье, Босния и Герцеговина, 13–16 июня 2012 г.), URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/10/horuzhy_sobornost_2012.pdf (дата обращения: 10.01.2017).

Хоружий С.С. Исихазм как пространство философии, Вопросы философии. 1995. № 9. С. 80–94.

Хоружий С.С. Конституция личности и идентичности в перспективе опыта древних и современных практик себя, Вопросы философии. 2007. № 1. С. 75–85.

Хоружий, С.С. Концепция неопатристического синтеза на новом этапе, Вопросы философии. 2015. № 7. С. 122–135.

Хоружий С.С. О старом и новом, Санкт-Петербург, 2000.

Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии, Санкт-Петербург, 1994.

Хоружий С.С. Православно-аскетическая антропология и кризис современного человека, в Православное учение о человеке. Избранные статьи, Москва-Клин, 2004, С. 154–167.

Хоружий С.С. Проблема Постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии, Философские науки. 2008. №2. С. 10–31.

Benne R. *The Paradoxical Vision: A Public Theology for the Twenty-first Century*, Minneapolis, Minnesota, 1995.

Gavrilyuk P. *Georges Florovsky and the Russian Religious Renaissance*, Oxford University Press, 2014.

Artyom Gravin

St. Petersburg

КОММУНИКАТИВНОСТЬ В ЛИНГВОФИЛОСОФИИ ЛЮДМИЛЫ ГОГОТИШВИЛИ И СИНЕРГИЙНОЙ АНТРОПОЛОГИИ СЕРГЕЯ ХОРУЖЕГО

В докладе будет рассмотрена коммуникативная концепция символа Людмилы Гоготшвили и понятие «толкующего общения» Сергея Хоружего в лингвистической и богословско-аскетической перспективах соответственно.

Будет проанализирована представленная в «ранних» работах Гоготшвили типология языков прямого и непрямого выражения (от естественного к абсолютному первоязыку), а также представленная в ряде работ Хоружего феноменологическая концептуализация исихастской молитвы (от словесной к умно-сердечной) и видов богообщения.

Отдельно в рамках данных типологий будет рассмотрена лингвистическая триада семантика-синтактика-прагматика в перспективе религиозно-мистического подхода к языку.

Данные коммуникативные концепции представляют собой системообразующие лингвофилософскую и богословскую идеи творчества Гоготшвили и Хоружего соответственно и могут быть синтетически рассмотрены в перспективе выявления определённых аналогий как для возможности применения методов лингвофилософии к мистико-богословской проблематики, так и для возможности концептуальных интерпретаций отечественной философии имени (в первую очередь, имяславие) и символа (поэтический и философский символизм начала XX в.).

Библиография:

Гоготшвили Л.А. Коммуникативная версия исихазма, в А.Ф. Лосев. Миф – Число – Сущность, Москва: Мысль, 1994. С. 878–893.

Гогтишвили Л.А. К феноменологии непрямого говорения, в Непрямое говорение, Москва: Языки славянских культур, 2006. С. 416–696.

Хоружий С.С. К феноменологии аскезы, Москва: Издательство гуманитарной литературы, 1998.

Хоружий С.С. Очерки синергийной антропологии, Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.

Rev. Brandon Gallaher

University of Exeter

CREATION OUT OF NOTHING AND HUMAN CULTURE: CONTRASTING APPROACHES IN NEO-PATRISTIC SYNTHESIS AND SOPHIOLGY

The paper will explore the radically different understandings of *creatio ex nihilo* in writers in the broad “schools” of neo-patristic synthesis and sophiology. One position, that of neo-patristic synthesis, holds that when we say that God created the world out of nothing and that it began to exist that this means that it might not have existed and is *radically* contingent and always threatened by an abyss of pre-creation nothingness or non-being, seen above all in death as annihilation, with the world as a reality over against God as an Other and outside him. In contrast, with sophiology, when we say that God created the world out of nothing and that it began to exist we mean that in limiting Himself God is said to create out of nothing and that this means that he creates the world from Himself but this is fundamentally a relatively new self-relation *in* Himself whereby He both relates to Himself as relative being or as self-alienated and self-sacrificed being and this relative being presupposes “nothing” as a new divine self-relation. On this basis, we shall then attempt to make an argument that neo-patristic synthesis and sophiology have quite different accounts of secular human culture including art, politics and ethics. Neo-patristic synthesis understands human culture, the realm outside of the Church, as essentially coextensive with the fallen world with social relations, ethics, human artefacts, literature and so forth being merely accidental, which are only of interest insofar as they point to the redeemed world of church culture with its hierarchy, iconography, canon law, Patristic literature and so forth. In contrast, sophiology sees culture as already always graced and with the human being in an active relationship in all areas of secular life sophianizing or transfiguring creation transforming it into culture to bring out the inherently holy nature of politics, law, ethics, worldly art, secular writings as unique and distinct sites of holiness in no way inferior to their parallel realities in the realm of the church. It will then be argued that contemporary Orthodox theology needs to find a form of modernity and secularity that is shaped by Orthodox tradition and that this will require a new theology that borrows from elements of both sophiology and neo-patristic synthesis.

THE RELATION OF BULGAKOV'S SOPHIOLOGY AND THE NEOPATRISTIC SYNTHESIS

While I was writing my doctoral dissertation *Sophiology and Modern Society. Sergei Bulgakov's Conceptualization of an Alternative Modern Society* (van Kessel, 2020), I often wondered about the inimical reception of the Sophiology of Sergei Bulgakov (1871–1944) in Orthodox Church circles and even at his own Orthodox Theological Institute St. Serge in Paris, leading ultimately to what is known as the “sophiological controversy” (Seiling, 2005, p. 71) and to the Church court in Karlovac in 1935.

From this *spor o Sofii*, the Neopatristic Synthesis of Georgii Florovskii (1893–1979) emerged as the winning theological school, which quickly dominated Russian-Orthodox theological development in the 20th century (Gallaher, 2011, p. 659), while Bulgakov's Sophiology almost disappeared from Orthodox theological discussions. Only recently, attempts are undertaken to re-value Sophiology with respect to the Neopatristic Synthesis (Obolevitch 2016), or even to come to a synthesis (Asproulis 2019).

In this paper, I want to dive deeper into the sophiological controversy and evaluate whether the Neopatristic Synthesis – both as elaborated by Georgii Florovskii and by Vladimir Losskii (1903–58) – really is the completely opposed theological theory which it is generally taken to be (Gallaher 2013, p. 278), or on the contrary uses important sophiological insights. In other words, did the Neopatristic Synthesis justly replace Sophiology as preferred theology of Russian Orthodoxy, or is there still room for a re-valuation of the sophiological stance in Orthodox theology.

First I will go into Florovskii's criticism of Bulgakov's Sophiology, its presumed pantheism (Asproulis, 2019, p. 222; Gallaher, 2011, p. 661) and determinism (Litvynenko 2014, p. 227), but also into their diverging opinions on Tradition (Sauvé, Ross J., 2010), Dogma and (Western) philosophy (Gallaher, 2011, p. 666; Litvynenko, 2014, 229). In my discussion of their views, I will highlight the similarities in and despite their differences. Secondly, I will go into the differences between Losskii and Bulgakov, their differing understanding of reason, their use of philosophy and their use of the uncreated/created distinction (Gallaher 2013, p. 279). Also here, I will stress mostly their similarities, e.g. of method (Losskii's apophatism and Bulgakov's antinomical sophiology), as well as the use of similar main categories, such as person-freedom vs nature/necessity, kenosis and individual vs person (Gallaher 2013, p 279), their common emphasis on theosis, and their understanding of truth and theology as being fundamentally experiential (ibidem, p. 298).

This will lead to my conclusion that Neopatristic Synthesis does not completely oppose the sophiological stance, in some important respects continues it, and even leaves room for a new elaboration of sophiology in Orthodox religious philosophy and theology.

Justyna Krocak

University of Zielona Gora

NEOPATRISTIC THEORY OF ASCETISM ACCORDING TO SERGUEY KHORUZHYY

In his inquiries, Sergey Khoruzhy lays great emphasis on developing a scholarly theory of asceticism, which according to him is crucial and central to the Neopatristic synthesis. The asceticism, which Khoruzhy focuses on, is that of Hesychasm with all its spiritual riches. Khoruzhy's scholarly description of asceticism involves a treatment of its aims, practices, and of the whole process of making an ascetic. Khoruzhy's theory of asceticism draws upon the achievements of both Russian religious philosophy and Western philosophy. Tackling the question of the essence of man, the hesychastic asceticism views him in the whole of his being. So, in living an ascetic life, one does not rid himself of his human nature but truly finds it by reintegrating himself anew. In my presentation, I will discuss the theory of asceticism and its place in neopatristic synthesis.

Bibliography:

Хоружий С.С. Неопатристический синтез и русская философия, Вопросы философии. 1994. № 5. С. 75–88.

Хоружий С.С. Неопатристический синтез и философия личности, в Традиции России и Китая в глобализирующемся мире, Саратов, 2012. С. 44–50.

Хоружий С.С. Персоналистские измерения неопатристического синтеза и современный поиск новых модусов субъективности, в Георгий Васильевич Флоровский, ред. А.В. Черняев, Москва: Политическая энциклопедия, 2015. С. 230–251.

